

ЕЛЕНА СЧАСТНАЯ

ВОИН ЗАБВЕНИЯ

ОТРАВЛЕННЫЙ ИСТОК

Елена Сергеевна Счастливая
Воин забвения.
Отравленный исток
Серия «Воин Забвения», книга 3

текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69729697

Аннотация

Дороги разводят Младу и Кирилла в разные стороны, но цель их одна – справиться с могущественным Воином Забвения Корибутом. Чтобы спасти свою жизнь и помочь князю, Млада вынуждена бежать из Кирията вместе с жрецом Зореном и сестрой. А помогать им вызывается верег Хальвдан. Они отправляются в далёкий Ариван к Мастеру Гильдии. А Кирилл, вняв совету мудрого воеводы, пытается выяснить, почему древнее колдовство угрожает ему и народу княжества. Где находится отравленный исток, из которого выплеснулась река, что своим ядом грозит погубить много жизней? И как победить в схватке с Воином, не потеряв себя и тех, кто дорог. Третья часть трилогии.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	29
Глава 3	55
Глава 4	92
Глава 5	117
Глава 6	144
Конец ознакомительного фрагмента.	148

Елена Счастливая Воин забвения. Отравленный исток

Глава 1

Снегопад закончился ещё утром, перед тем, как удалось добраться до конюшен. Сейчас закатное солнце искрами пробегалось по пышным белым шапкам на ветках елей и молодых сосёнок. Ветер, и до того слабый, к вечеру вовсе стих и не торопился скидывать с деревьев сияющее убранство.

Млада срезала ещё одну сухую ветку, сунула в руки идущему следом Зорену. Выгребла из-за шивороты очередной ворох снега, обсыпавшего её с потревоженной ели. На большее, чем просто нести подготовленные для костра ветки, жрец пока не годился. Всё ещё слишком слабый, покачивающийся, как былинка на ветру. Хальвдан в очередной раз позидевался, отправив его в помощь Младе. И никаких возражений не принял: видно, до сих пор продолжал считать себя главным. Хотя теперь их с верегом вряд ли можно было считать кметем и воеводой. С сегодняшнего утра они снова равны.

Жрец застрял где-то позади в сугробе, задержался. Мла-

да нетерпеливо оглянулась. Невыносимо хотелось воткнуть нож Зорену в висок, но она сдерживалась. Теперь придётся путешествовать вместе ещё пёс знает сколько. Надо терпеть. Но при случае она с живого него не слезет, пока не вытащит всё про Забвение и его так называемого Хозяина.

– Не боишься, жрец, идти туда, где, наверное, уже умер твой сын? И где тебя ласково могут встретить палками и спущенными с цепей собаками? – Млада снова коротко обернулась, Зорен взял из её рук ветку.

– Чему быть, того не миновать, – пожал он плечами. – Мне в княжестве нигде не рады. В самую пору бегать по лесам, как зверь. Прятаться.

Млада хмыкнула.

– А ты и есть зверь. Причём самого поганого пошиба. Навроде крысы. Неужели тебе совсем не жаль Рогла? Он же твоя плоть и кровь.

– Какие бы я сейчас ни завёл оправдания, вы мне всё равно не поверите. Поэтому я не хочу оправдываться. И мне тяжело от того, что я так поступил с Роглом – вот, в чём правда. Но... это был не я. Это был приказ. И не знаю, как это объяснить по-другому, – Зорен остановился и поднял несколько упавших веток. – Я хотел бы снова увидеть его и попросить прощения.

– Боюсь, уже не успеешь, – Млада не удержала вздох и на мгновение опёрлась рукой о ствол ближайшей ели. – Да и гроша ломаного не стоят твои извинения.

Зорен поравнялся с ней и заглянул в лицо. Его светло-голубые глаза в лучах солнца казались почти белыми. Страшные глаза, холодные. У Рогла другие – чёрные, как земля после дождя – видно, в мать уродились. И смотрит мальчишка по-другому. А этот – отрешённо и безразлично. Будто ничего уже в этой жизни его не трогает. Насколько глубоко успело изменить жреца Забвение? И как надолго хватит его сил сопротивляться Корибуту, если всё, что о нём рассказано – правда?

– Я всё же попытаюсь искупить хоть часть вины, – он глянул в ослепительную даль. – Возвращаемся?

– Да.

Солнце садилось стремительно. Его красноватый шар мелькнул в просветах между стволов, мигнул напоследок последней вспышкой лучей и скрылся. Пока Млада и Зорен успели вернуться к разбитому недалеко от дороги лагерю, на лес опустились плотные сумерки.

Хальвдан тоже притащил для костра огромную связку веток и уже развёл огонь. Готовить на нём нечего, но в безветренную погоду можно хотя бы погреться. Лошади, накормленные и напоенные ещё в конюшне, а сейчас накрытые попонами, переминались с ноги на ногу, беспокойно стригли ушами. Ведана сидела на трухлявом промёрзшем пне, приклонившись спиной к сосне и безучастно следила за воеводой. Тот поднял глаза на подошедшую Младу и кивнул на кучу дров в стороне: складывайте, мол, туда.

– Ну что, жрец. Жив? Не схоронила тебя Млада в сугробах, гляжу. Хотя надеялся на это, надо признать.

Ведана рассерженно зашевелилась на своём месте, отодвигаясь. Зорен молча сел рядом с ней. Млада опустилась на бревно к воеводе и, вытряхнув снег из сапог, глянула в его подсвеченный костром профиль. Отвечать ничего не хотелось. Хотелось только разобраться во всём что произошло, в причине, по которой она сейчас держит путь в Ариван, чтобы уничтожить посох, угрожающий Драгомиру.

Она бросилась в эту заварушку без оглядки, чувствуя, что так нужно. Ни на мгновение не усомнилась. А сейчас, когда спешный побег из Кирията сменился более размеренной дорогой, задумалась, зачем это всё? Кто ей Драгомир? Ведь он запросто решил казнить её, даже не попытавшись понять и разобраться. И кто ей все эти люди; почему она решила вдруг отправиться в путь с ними? Зорен, извечный и ненавидимый ею враг. Хальвдан, самовлюблённый грубиян, постоянно задирающий её и глядящий с пренебрежением и насмешкой. Ведана... Сестра или теперь совершенно чужой человек? Млада подняла голову и невольно встретилась с такими же, как у неё, глазами. Сегодня она всё выяснит.

После того, как со скудным ужином из впопыхах прихваченной солонины и хлеба, запитых растопленным на костре снегом, было покончено, воцарилась неловкое, напряжённое молчание. Млада от безделья подкинула в костёр толстую и, кажется, слишком сырую ветку. Дым повалил в лицо. Она

закашлялась и отвернулась, вытирая слёзы. Хальвдан отсел чуть подальше, вытянул перед собой ноги и, окинув взглядом остальных, усмехнулся.

– Разговорчивые все, аж жуть. Только тебе, вельдская паскуда, отмолчаться не удастся, – его тон моментально сменился с шутливого на угрожающий. – Мне до колик хочется узнать в подробностях, чего ты наплёл Бажану и Младе такого, что они подскочили и кинулись тащить твой посох аж к бесу на рога. Сейчас нам, вроде, торопиться особо некуда.

Зорен некоторое время спокойно его разглядывал, а потом устался в пламя.

– Почти всё, что знал, я рассказал им. Но начну снова и по порядку, если того желает княжеский воевода.

Хальвдан удовлетворённо и беззлобно улыбнулся одним уголком рта.

– Вообще-то воевода желает тёплую баньку и не менее тёплую бабу в постель. Но всё равно говори.

Волхв ещё несколько мгновений грел руки, протянув их к костру, а потом вздохнул.

– До каких-то пор я вообще не знал о своём вельдском происхождении. Надо думать, что той крови во мне пара капель, но этого, видно, Корибуту оказалось достаточно. Он появился, когда я хотел покончить с жизнью, – Зорен коротко глянул на воеводу, когда тот удивлённо хмыкнул. – Мне тогда казалось, что другого выхода нет. Мои жена и ребёнок погибли в пожаре, и мне тяжело далась эта потеря. Очень тя-

жело. Погибли не только они, но и всё дело, которому я хотел посвятить жизнь. Я был лекарем. Но мои знания и умения оказались бесполезны. Помочь им я не успел. Уезжал в город за нужными для снадобий травами. А жена и сын обгорели почти до костей.

– Другой выход всегда есть, – тихо, как будто так, чтобы никто не слышал, произнёс Хальвдан.

– Ты когда-нибудь терял всё, воевода? – Зорен пытливо посмотрел на него. – Всё. Словно тебя срубили под корень?

– Не всё, но многое.

Жрец немного помолчал, разглядывая верева. Ведана мягко тронула его за плечо, как бы утешая.

– У меня вмиг не стало ничего, как мне тогда казалось. А когда я уже задыхался в петле, появился Корибут. Он знал, когда нужно прийти, будто ждал подходящего случая. А может... Может, это он и убил моих жену и сына. Сейчас я уже не уверен. Он пообещал, что вернёт мне всё, чего я лишился, если помогу ему. Я видел его перед собой, как вас сейчас. И слышал его голос.

– И ты согласился... – буркнула Млада, не глядя на жреца. – Поверил голосу в голове. Может, ты просто тронулся умом?

Тот повёл плечом и прикрыл лицо краем капюшона, когда между деревьев проскочил стылый ветерок.

– Мне тоже сначала так казалось. Но я предпочёл поверить, что скоро смогу вернуть потерянную жизнь. Правда,

Корибут забрал у меня даже то, что осталось. Первым его приказом было возрождение вельдов из Забвения. Его верных слуг. Для этого понадобилась моя кровь. Я сам провёл ритуал и своими глазами видел, как из темноты появляются воины. Они словно выходили из-за ткани другого мира.

– Так уж прям из темноты, – осклабившись переспросил Хальвдан.

– Я тоже это видела, – подтвердила Ведана. – Потом.

Млада вздрогнула от звука её голоса. Казалось, сестра никогда не заговорит. И её слова: «Зря ты пришла сюда, Байчёта», – будет последним, что придётся от неё услышать.

– Значит, вельды попросту неживые? – воевода чуть наклонился в сторону жреца.

– Можно и так сказать... – согласился тот. – Они принадлежат Забвению. Они попали туда после того, как их прокляли. Вождь древнеров, кажется. Между ними была вражда много лет назад. Сейчас уже точно и не скажешь. Им, как живым, не нужна еда и отдых. Но они умирают, как живые, а после снова возвращаются в Забвение. И могут возродиться вновь. И ваши раненые отравленным оружием воины попадают туда же, если не сжечь тела.

– Долго бы мы с ними боролись, – скривившись, протянул воевода. – А как же вы так быстро появлялись в разных селениях княжества? Тоже дело рук Корибута?

– Через проходы в Забвении. Но это могут только те, кто с ним связан.

– Значит, она не может? – Хальвдан кивнул на Ведану. – Или я. Млада?

– Ведана и ты – нет, а вот Млада может. Но не теперь.

– Постой, а почему я могу? – Млада подняла руку, останавливая следующий вопрос воеводы.

– Потому что ты урождённый Воин Забвения, – глухо проговорила Ведана. – Этакий страж, оберегающий людей от него. Это то, что мне когда-то говорила мать.

Зорен опустил голову, видно, давая возможность ей рассказать то, что она знает. Но Ведана снова замолчала. Хальвдан с растерянностью, которой ещё не приходилось видеть на его лице, перевёл взгляд с неё на жреца.

– Кто-кто она?

– Она – третий приказ Корибута, – вновь отозвался Зорен. – Вторым был Песчаный Ворон, которому мы как раз и едем. Если я правильно всё узнал в своё время, Ворон был арияш. Одним из многих и ничем не выделялся. Но он нёс в себе остатки знаний своих предков – хадымов. Только благодаря своему ремеслу он выжил. Не разделил участь родичей. А Корибуту был нужен особый посох. С тех пор Ворон стал сначала одним из лучших убийц, а затем – Мастером Гильдии. Так ведь, Млада? Он дал тебе этот меч.

Млада кивнула и снова обратилась к Ведане.

– Про Ворона всё понятно, а что же со мной? Что значит Воин Забвения? Я ничего не знаю ни о Забвении, ни о Корибуте. Может, когда-то слышала что... но толком ничего не

помню.

– Ты просто не успела ничего узнать, – ответила сестра. – От тебя до поры до времени всё скрывали. Да и проверить хотели, не случилось ли ошибки. А Корибут приказал Зорену похитить тебя. Я не знаю точно, для чего. Наверное, ему нужны были какие-то твои способности. Но прекрасно знаю, для чего была предназначена я, – она обвела всех взглядом. – Я должна была стать твоим щитом, той, кто умрёт за тебя, если понадобится. Так уж совпало – тебе повезло, что ты родилась близнецом. Поэтому я и оказалась у вельдов. А ты в это время улепётывала через лес. Мать должна была тебя уберечь. А когда во время ритуала открылось, что я – это вовсе не ты, то мне было предназначено умереть. Но Зорен не стал убивать меня. Я до сих пор не знаю, почему.

Она посмотрела на жреца, но тот только повёл плечами.

– Наверное, я не смог.

– И ты осталась, – хрипло прошептала Млада, чувствуя, как ноги будто бы врастают в стылую землю. – Забыла всё, что сделали вельды с нашим родом... Осталась с врагами, с убийцей наших родителей. Как? Как ты могла?

– Я хотела жить. Ты не представляешь себе, как сильно я хотела жить, – зло проговорила Ведана, сверля её взглядом. – Потому что, как только я начала понимать речь, меня приучали к мысли о том, что я должна умереть и умру, лишь бы сохранить тебя. Первую из Воинов Забвения, родившихся за многие сотни лет. Но провалиться мне на этом месте,

если я понимаю, что в тебе особенного. По-моему, обычная безмозглая бой-баба.

– Я хотя бы не предательница своего рода! – Млада угрожающе приподнялась с места. – И не раздвигала ноги перед кровавым врагом все эти лета!

– Да что ты понимаешь! – сверкнула Ведана глазами и подалась ей навстречу. – Мой род бросил меня на гибель! Принёс в жертву! За что я должна его благодарить? Почему должна чтить его память?

Зорен обеспокоенно выпрямился и попытался удержать её за локоть. Лошади в тени деревьев зафыркали, затопали, косясь блестящими глазами в сторону костра.

– Цыц, квочки! – Хальвдан крепко схватил Младу за руку. Она отдёрнула ладонь и снова села на бревно. – Раскудахтались... У меня мурашки по коже, когда вы ссоритесь. Это жуткое зрелище, надо сказать. Как будто Млада горланит на своё же отражение, – воевода помолчал, дожидаясь, когда станет окончательно тихо. – Выцарапать друг другу зенки ещё успеете, а сейчас нам нужно во всём разобраться.

– Ведана правда больше ничего не знает, – негромко отозвался жрец. – Я тоже пытался о многом её расспросить. Думал, что-то ей рассказывали родичи. А я знаю только, что Млада была нужна Корибуту. Кажется, это было как-то связано с тем, что он хочет выбраться из Забвения. Ему нужны были её силы. Когда выяснилось, что Млада пропала, он взялся за Драгомира. Хоть для него это гораздо сложнее.

Младу он мог привлечь на свою сторону с помощью ритуала во время первой лунной крови, – Зорен покусал губу очень похоже на то, как это иногда делал Рогл. – А для того, чтобы сразу завладеть Драгомиром ему пришлось набраться сил. Поэтому прошло много лет. Были налёты на деревни княжества, пленники, жертвоприношения.

– Так всё-таки кто он? – Млада снова перевела взгляд со своих рук на Зорена. – И чего хочет?

– Он – один из самых могущественных Воинов Забвения, которые когда-либо существовали. Его силы почти безграничны. И он хочет возродиться. И почему-то Драгомир подходит ему для этого лучше всего. Думаю, между ними есть родство. Он заманил его на эти земли, убив его невесту. Он заманил его в лагерь вельдов, чтобы провести самое большое, последнее жертвоприношение... Да, не смотри на меня так, воевода. Ваши воины все стали жертвой Корибуту. А первыми отдали ему свою кровь воины из Елоги. Поэтому их тела были в лагере. Он дал Драгомиру в руки этот посох. И потому, если удастся уничтожить посох, мы на какое-то время сдержим Корибута. Но, боюсь, ненадолго. Князь уже в его власти. И она пока что слаба, но будет усиливаться.

Хальвдан вздохнул и подбросил в потускневший костёр пару веток.

– Значит, посох – не избавление?

– Нет. Но у нас будет время выяснить, что делать дальше.

– Хотел бы знать, как это сделать... И чем нам грозит по-

явление Корибута?

– Тем, что с вами будет то же, что и с погибшими сотнями. В Забвении таятся такие твари, которые не снятся людям даже в кошмарных снах. А Корибут придёт к власти. Любым способом. Тем более, Драгомир трон ему уже подготовил.

Воевода резко переломил о колено очередную палку и особенно раздражённо швырнул её в огонь. Он молча что-то обдумывал, а Млада не решалась снова влезать в разговор. И своих вопросов в голове было предостаточно.

– Так почему ты решил помогать нам? – наконец снова заговорил Хальвдан.

– Корибут обманул меня. Он не дал мне ничего, только сделал чудовищем, – Зорен вздохнул и необычно тепло посмотрел на Ведану; та слабо улыбнулась ему. – Всё, что у меня сейчас есть: сын, которого я, правда, погубил не по своей воле. Ведана. Они делали меня человеком... пытались делать. Их я обрёл сам. В те моменты, когда находил силы идти против Корибута. Если вам вдруг придётся с ним столкнуться за время этого пути – а так непременно будет, ведь он не оставит нас в покое – я не хочу, чтобы вы обманулись. И не верили ему, что бы он ни предлагал. Он умеет только разрушать.

Маленький лагерь сковала тишина. Каждый размышлял о своём. Тихо потрескивали еловые ветки в костре. Вокруг было темно и неподвижно. Хальвдан поднял голову к небу, огляделся. Млада невольно сделала то же. Вечер уже превра-

тился в глубокую, студёную ночь.

В нутре неприятно ворочалась недавно съеденная соловина, а тело ныло всё от макушки до пят, так и не получив достаточного отдыха со вчерашнего дня. Завтра снова в дорогу, и нынче она обещает быть очень длинной. Сначала до Аривана, а там – к Мастеру через пустыню и солончак. Понадобится благословение всех Богов, чтобы преодолеть этот путь. За себя Млада не волновалась. Да и в воеводе была уверена. А вот остальные... Как бы не стали обузой.

– Укладываемся спать, – громко и резко распорядился Хальвдан. – Завтра вставать спозаранку. До деревни Рысей доберемся к полудню.

Зорен с Веданой зашевелились, подтащили ближе к костру нарубленные раньше еловые лапы, уложили в несколько лежанок. Сверху постелили захваченные из замка войлоки и тёплые шерстяные одеяла. Млада уселась на ещё не остывший пень у сосны и, плотнее завернувшись в плащ, наблюдала за их подготовкой ко сну. Видно, воеводы они побаивались. Вон как, без возражений взялись исполнять приказ. Слова лишнего не пикнули. Хотя боялась, наверное, только Ведана. Зорен же просто осторожничал.

Хальвдан сходил ещё раз проверить лошадей, а вернувшись, бесцеремонно подтолкнул Младу в бок и сел рядом. От близости воеводы стало совсем тепло, пахло чуть сырым мехом его соболяго воротника.

– Отдохнуть бы тебе, – тихо сказал он, когда Ведана с Зо-

реном, пододвинувшись ближе друг к другу, перестали вращаться. – Если я ничего не путаю, то ты не спала уже почти два дня.

– Знаешь, воевода, а мне и не хочется.

Он глянул с любопытством и снова отвернулся.

– Глазищи красные, как у упырихи. Не хочется ей...

Млада только невольно улыбнулась, но не стала ничего отвечать, ожидая, когда Хальвдану надоест к ней цепляться. Помолчали. Отсветы костра плясали по изрубленным трещинами стволам тёмных, мрачных елей и редких сосен. Небо пронзали мелкие пылинки звёзд. По щекам то и дело пробегали обрывки затерявшегося в лесу ветра.

– Шёл бы спать, воевода, – шепнула Млада. – Потом сменишь меня. Я посижу, покараулю. Вдруг князь отправил за нами кого.

– Надеюсь, Бажан объяснил ему всё, а Драгомир прислушался. Хотя всякое может случиться. Кто знает, во что мы связались. Всё это так странно, Млада.

– Странно... – эхом отозвалась она.

– Непростая ты, – невпопад брякнул Хальвдан, видно, озвучивая свои мысли. – Сколько ещё загадок в тебе таится? Ты Грюмнёрэ, о которых я слышал только, что они могут перерезать кому угодно глотку. А все вокруг поверят, будто тот сам неудачно поранился, когда брился. Ты – таинственный Воин Забвения. Вообще пёс разберёт, что это значит. Самой-то не страшно от себя? – в его словах послышалась

лёгкая насмешка.

Млада повернулась к нему и натолкнулась на пристальный взгляд тёмно-синих в полумраке глаз. Воевода будто бы снова издевался на ней, но в то же время был серьёзен. И на миг в голове вспыхнул вопрос: зачем он пошёл за ней? Вряд ли дело в умении Бажана заговаривать зубы. Уж он-то точно справился бы лучше него.

– Нет, – она дёрнула плечом, отворачиваясь. – Знала бы я, чего бояться. Может, вообще никогда и не узнаю. Тебе-то не страшно? А, воевода?

Хальвдан тихо хмыкнул и прищурился, но ничего не ответил. Они ещё немного посидели так, рядом, пока Млада не почувствовала, что её начинает клонить в сон. В какой-то момент она даже уронила голову на плечо воеводы, но тут же встрепенулась и потёрла глаза, безуспешно делая вид, что ничего не произошло.

– Иди уже спать, – пытаюсь сдержать улыбку, подтолкнул её в спину Хальвдан.

– Только разбуди меня потом, чтобы я тебя сменила.

– Хорошо.

Он не разбудил.

* * *

Утром, как только небо на востоке озарилось рассветным пурпуром, они снова двинулись в путь. День обещал быть

тёплым и солнечным. Под лёгким ветром искрящейся пылью с ветвей летел снег. Лошади, разогреваясь после прохладной ночи, бежали всё резвее, шурша копытами по подмёрзшей тропе.

Млада ехала за Веданой, которая после вчерашнего разговора так и не пожелала обмолвиться с ней хотя бы словом. Похоже, затаила обиду, хотя в том, что произошло много лет назад, никто из них всё равно виноват не был. Все родичи погибли в бойне, учинённой вельдами, и расспросить, почему они положили свои жизни для того, чтобы уберечь одну только Младу, было не у кого.

Два коротких слова «Воин Забвения» бились в голове, так и не обретая смысла и значения. Кто такие эти Воины, и почему она не чувствует в себе никаких особых сил? Может, это было просто ошибкой. Трагической ошибкой, результатом которой стали сотни смертей. И потерянная близость с сестрой, выжившей только чудом.

– Ведана, – позвала Млада, подъезжая к ней ближе.

Та поначалу сделала вид, что не слышит, а затем повернулась. На её лицо легли резкие тени от ветвей.

– Чего тебе?

Снова кольнула сердце утихшая за ночь злоба.

– Не нужно разговаривать со мной так, будто я виновата перед тобой!

– А разве не виновата? – фыркнула Ведана. – Чтобы спасти тебя, погибли все. А толку от этого нет. Для чего было

нужно, чтобы ты выжила? Что ты можешь сделать одна? Корибут завладеет князем так или иначе. А теперь некому даже провести обряд, чтобы проявить в тебе Воина.

– Обряд?

– Да, – нехотя подтвердила Ведана. – Я прошла через него, когда случилась моя первая лунная кровь. Правда, через изменённый, призванный обратить на сторону Хозяина. Но, как можно догадаться, никакого Воина из меня не получилось. Зорен только зря потратил пару лет, чтобы дожидаться, когда я «созрею». Корибут был очень зол. Ничем другим я не могу объяснить то, что Зорен несколько дней валялся в лихорадке и его едва не скручивало в узел от боли.

– Значит, Корибут, кто бы он ни был, умеет мстить за неповиновение.

Ведана горько усмехнулась. У Млады похолодело в затылке. Она была уверена, что умеет усмехаться точно так же. До самых мелких складок в уголках глаз.

– А то как же. Зорен и сейчас ждёт мести. Вот только не знает, в чём она отразится. И когда он вопреки приказу Корибута оставил меня в живых, тоже лежал трупом почти седмицу. Именно тогда я начала учиться лекарскому ремеслу. Меня учил Зорен.

– Значит, ты травница и лекарь...

– Кое-что знаю.

– Почему ты не сбежала? Не попыталась убить Зорена? – Млада увидела, как напряглась спина жреца, который ехал

впереди. Она нарочно задала этот вопрос. Знала, что он услышит. – Я бы попыталась.

Ведана протяжно посмотрела на Зорена и вздохнула.

– Не сомневаюсь, что ты попыталась бы. Ты всегда была... твёрдой и... жестокой. Да, даже в детстве. А мне тогда казалось, что лучше остаться в лагере. Мне некуда было уйти... и мне было страшно. А Зорен... Почему-то я знала, что его ещё можно вырвать из хватки Корибута. Я пыталась в это верить. К тому же там был Рогл. Совсем маленький ещё. Мне не хотелось его бросать.

– Но Зорен. Он ведь...

– Да, первые несколько раз он... взял меня силой, а потом я... хм... привыкла.

Жрец коротко обернулся и, чуть подогнав лошадь, уехал дальше вперёд. Тяжко, наверное, слушать про свою же жестокость из уст женщины, которая, несмотря ни на что, осталась с ним. Тяжко осознавать свои зверства. Пожалуй, это наказание лучше, чем побои и телесная боль.

– Но как ты могла спокойно сносить?..

– Хватит, Млада, – оборвала её Ведана. – Я не хочу об этом говорить. Мне было трудно и больно. Было страшно, да. Но я сделала свой выбор, как и ты – свой. Ты, погляжу, тоже не стремилась к правильной и спокойной жизни. Наши родичи погибли ради того, чтобы ты стала наёмной убийцей? Вряд ли они хотели этого. Так что не тебе меня учить и упрекать.

Млада сжала зубы, удерживая рвущуюся с губ колкость. Ведана уехала чуть вперёд, прямая и холодная, как стальной клинок. Непокколебимая и гордая. Но её было почему-то жаль.

— Я рада, что ты жива, Ведана, — тихо произнесла Млада ей в спину.

Сестра только чуть повернула голову, но ничего не ответила.

День поднимался к полудню, солнце укоротило тени всадников на снегу. Лес вокруг стал знакомым, светлым, пронизанным близостью людского жилья. Скоро впереди показались дома деревни, потемневшие — старые, и более светлые, ещё не растерявшие тепло живого дерева — построенные не так давно. Селение Рысей разрасталось и это было особенно радостно в преддверии весны.

Они заехали в высокие тёсанные ворота без дверей, устремились по улице, и только через несколько мгновений стало ясно, что в деревне никого нет.

Ни единой живой души.

Млада огляделась вокруг. Дворы, дальние, ближние ли, пустовали; несмотря на самый лучший для работы и ежедневной суеты час, на улице было тихо и безлюдно. Не лаяли собаки, не слышалось голосов постоянно судачащих через заборы соседок. Не гонялись друг за другом дети. Только чуть осмелевший ветер поскрипывал где-то ставнями или калиткой, и шумел кругом лес.

– Хва слагс¹?.. – пробормотал Хальвдан, когда Млада догнала его.

Высокие тонкие сосны зашелестели вдалеке, закачались как будто растревоженные кем-то. Громко и нагло каркнула на одной из крыш ворона, и ей ответили ещё несколько в округе. Их гомон стих резко, деревня снова погрузилась в прежнюю тишину. И от этого ощутимо шевелились волосы на затылке.

Сзади подтянулись Зорен с Веданой.

– Надеюсь, здесь не всегда так... людно? – обескураженно буркнул жрец.

– Помолчи, – шикнула на него Млада.

Когда встретился первый, припорошенный снегом труп, Ведана ахнула за спиной, а Хальвдан гнусно выругался себе под нос. Это была женщина, она лежала лицом кверху, прижавшись спиной к забору. Её плотный тулуп был разодран включья, будто его терзали собаки, и густо пропитан кровью. Млада только сильнее сжала поводья. Её лошадь испуганно шарахнулась в сторону, словно почуяла кого-то, фыркнула и мотнула головой. Но стоило погладить её по шее – успокоилась, пошла ровнее.

Через несколько шагов трупы, растерзанные, лежащие в окроплённом кровью, протаявшем снегу, стали попадаться всё чаще. Взрослые мужчины и дети. А больше всего, кажется – женщин. Млада видела, как при виде их бледнеет лицо

---

¹ Хва слагс (верегс.) – что за?..

Зорена и, несмотря на лёгкий мороз, покрывается испариной лоб. Он перебежал взглядом от одного бездыханного тела к другому, и даже синяки на его скулах теряли цвет.

– Что-то знакомое, да, Зорен? – сверкнув сталью в голосе, спросил Хальвдан, внимательно приглядываясь к нему. – Мне вот оно тоже очень знакомо. Мнится мне, что с Рысями случилось то же, что и с Восточными сотнями.

Жрец сглотнул.

– Твоих рук дело, погань? – Млада подъехала ближе, перегораживая ему дорогу.

– Нет, – он качнул головой. – Я бы не смог. У меня не осталось тех сил. Это... кто-то другой.

– Врёшь, мразь! – Млада медленно, так, чтобы жрец мог насладиться зрелищем, вынула из притороченных к седлу ножен Призрак.

Хальвдан остановил лошадь рядом с Зореном и примиряюще поднял руку.

– Постой, Млада. Голову ему отсечь никогда не поздно. Думаю, он правда не виноват.

– Тогда кто?

– Доедем до старосты. Там поглядим.

Ворота дома Ратибора оказались распахнуты настежь, одна створка сорвана с петель. Недалеко от конуры, так и привязанный к цепи, лежал сторожевой пёс со вспоротым брюхом. Уже окоченевший. Красные брызги крови темнели на ослепительно белом снегу. Млада спрыгнула на землю и, су-

нув поводья Ведане, осторожно прошла по двору. Хальвдан шёл следом. Дверь была незаперта, и в сенях гулял сквозняк. Изба выстыла.

Ратибор лежал неподалёку от порога лицом вниз. В руке он сжимал увесистый колун, обагрённый странно чёрной засохшей кровью. Млада на мгновение отвела взгляд и несколько раз глубоко вздохнула. Хальвдан, проходя мимо, легко провёл по её плечу, посмотрел в глаза и от этого стало немного спокойнее.

Воевода перевернул старосту на спину и тихо прорычал что-то сквозь зубы. Наверное, очередную верегскую грубость. Грудь Ратибора была разворочена наискось до костей. Шея впереди разодрана вместе с гортанью. Не задерживаясь, Хальвдан встал и пошёл дальше.

Внутри избы царила разруха. Крепкие лавки были разнесены почти в щепки, стол покосился на сломанной опоре. Повсюду осколки посуды и кровь. Переслава обнаружилась в другой клетки, тоже мёртвая, израненная почти до неузнаваемости. Светлые, пепельного оттенка волосы её слиплись от крови, застыли колтунами. На полу под ней растеклась багровая лужа, уже впитавшаяся в доски. Больше в доме никого не было.

Млада судорожно вдохнула свежий воздух, когда они снова вышли на улицу. Она видела много смертей, много крови. Но когда самой страшной смертью погибли люди, которые за несколько дней заботы о ней и Рогле стали почти родными,

она не могла оставаться безразличной. В груди тихо и неровно трепыхалось сердце, горечью жгло горло. Они не должны были умереть... Ни зычный, могучий Ратибор, ни ласковая Переслава. Оставалось только непонятно, где маленький Руслан и Ждан. Может, им удалось спастись? Рогл же к тому времени, наверное, уже умер.

– Ты в порядке? – Хальвдан легонько тронул её за подбородок.

Млада вскинула голову и кивнула, выдержав его участливый взгляд. Стараясь не смотреть на Зорена, она запрыгнула в седло, бросила мимоходом:

– Проедем по деревне. Может, тут всё-таки есть кто живой.

Они покинули двор старосты и, кружа между домов, скоро выехали из деревни, так и не обнаружив никого и ничего, кроме трупов, которые встречались во дворах или просто на улице. Даже никакой живой скотины не было в хлевах и сараях. Только кровь и смерть кругом. Тишина и снежное стылое безмолвие.

– Смотрите, тут следы, – крикнула непонятно когда успевшая уехать вперёд Ведана. – Много.

Она махнула рукой, подзывая. Млада ударила коня пятками и догнала её. Огляделась. И правда, дорога была крепко вытоптана, следы множества ног уходили вглубь леса, как будто люди бежали толпой без оглядки. Внутри колыхнулась слабая надежда, что кто-то всё же выжил.

Зорен с Хальвданом через мгновение догнали их и, пустив лошадей бодрой рысью, устремились по чёткой тропе. Но скоро следы свернули в сторону, стали глубже, утопая в сугробах. Пришлось загонять лошадей в снег. От общей вереницы то и дело ответвлялись тонкие цепочки и терялись среди деревьев. Но основная, самая широкая продолжала виться сквозь лес. Скоро со стороны деревни в неё влилась ещё одна свежепротоптанная дорожка. Здесь уже видно было следы копыт скотины.

Солнце уже скатилось ниже к горизонту, когда впереди вспыхнули пятна первых костров. Огромные людские тени скользили по снегу и уходящим ввысь стволам сосен. Тишину всё сильнее нарушал далёкий гомон голосов. Лес поредел. Впереди разворачивалось обширное поле, а на нём – лагерь уцелевших Рысей.

Потянуло дымом и горячей едой. Сквозь сплошной шум можно было уже различить женский плач и редкий визг детей.

Млада спешила и, ведя лошадь в поводу, пошла к свету костров. Остальные двинулись следом. Она чувствовала, что рядом, среди деревьев кто-то есть. Они прятались плохо, двигались слишком громко. И вот сбоку скользнула тень, за ней ещё одна. Тихо басовито переговариваясь из сумерек показались несколько мужчин, озлобленно зыркающие и вооружённые кто чем. Вилами, топорами, самодельными луками и ножами. Одеты они были плохонько, видно, убегая, не

все успели взять с собой тёплые вещи.

– Кто такие? – гаркнул кто-то.

Млада повернулась в сторону голоса и остановилась, отошла к седлу, где был закреплён Призрак.

– Свои это, – ответил ему кто-то, чей голос казался знакомым. – Воевода и кметь из княжеской дружины.

Оттолкнув одного из мужчин, вперёд вышел Ждан. Его карие глаза недобро посверкивали, заострившееся лицо щерилось нехорошей улыбкой. Он неспешно окинул Младу взглядом и заложил большие пальцы рук за пояс.

– Кметь, говоришь? – сплюнул на снег идущий за ним мужик и закинул на плечо солидный топор. – Эта баба, штоль?

– Она самая, – Ждан глянул за спину Млады и нахмурился. – А вот кто те двое – не знаю. Судя по виду, какие-то бродяги.

Сквозь полумрак он не успел разглядеть лица Веданы, иначе сильно удивился бы.

– Кончай трепаться, Ждан, – недовольно оборвал его подошедший Хальвдан. Воевода обогнал Младу, остановился и предупреждающе опустил руку на секиру. – Скажи лучше, что у вас стряслось. Как погибли все те люди в деревне?

Ждан болезненно покривился и снова уставился на Младу.

– А это у неё лучше спроси, – он вальяжно подошёл и ткнул ей в грудь пальцем. – Она ведь притащила в деревню этого паршивого вельдчонка. Он во всём виноват.

Глава 2

Молчание продолжалось неприлично долго. Слышно было, как громко дышит лошадь рядом, шумят сосны. Вдалеке всё так же гудел лагерь Рысей. Млада несколько мгновений не знала, что ответить на слова Ждана. Как Рогл мог оказаться виноватым в том, что произошло в Беглице? Он был при смерти, и надежда на то, что он придёт в себя, совсем угасла. И потому обвинения сына старосты в очередной раз казались дикими и лживыми.

Неожиданно вместо неё возмутился Зорен, хоть лучше бы молчал. Он обошёл Младу сбоку и одним только взглядом заставил Ждана сделать шаг назад. Оранжевый свет костров становища очертил его лицо резкими тенями, вытягивая, делая ещё более хищным.

– Что ты такое мелешь, парень? Рогл не мог быть в этом виноват!

– А ты вообще кто таков будешь? – огрызнулся Ждан, подозрительно окинув его взглядом. – Что-то рожа твоя у меня доверия не вызывает. Паршивая рожа-то.

Зорен вдруг оскалился, но Млада резко дёрнула его за локоть, призывая уговориться. Ещё не хватало, чтобы все вокруг узнали, что он – отец Рогла и предводитель вельдов. Тогда деревенские просто разорвут его на куски и никто не поможет. И остальным достанется так, что мало не покажет-

ся. Жрец резко обернулся, и на мгновение в его глазах почудился тот же блеск неистовства, который доводилось видеть раньше. Его ноздри раздувались, а губы гневно кривились. Он рванулся в сторону и чуть подрагивающей рукой откинул волосы от лица вместе с капюшоном. Затем медленно кивнул, мол, успокоился. Только тогда Млада выдохнула и повернулась к сыну старосты.

– Он наш с воеводой спутник – это всё, что тебе нужно знать, Ждан.

Тот недовольно поморщился, продолжая подозрительно коситься на Зорена, а затем оглянулся на других мужчин. Они тоже заметно помрачнели и запереглядывались. Даже воздух от сковавшего всех напряжения как будто раскалился. Ещё немного – и сами догадаются, что здесь к чему.

– Знаешь что, Ждан, – пытаюсь примирительно улыбаться, нарушил тугое молчание Хальвдан, – ты лучше расскажи нам всё по порядку. Присесть, что ли, предложи в вашем лагере. Мы ж всё-таки не бродяги какие. И помочь можем в случае чего.

Сын старосты отвёл взгляд, немного поразмышлял, скорее для виду, рассматривая вытоптанный снег между деревьев. И качнул головой в сторону поляны.

– Верно, воевода. В ногах правды нет, пойдём присядем.

Лошадей оставили у границы лагеря вместе с теми, которых смогли увести деревенские из стойл при побеге. Млада мельком оглядела их. Ни одна не годилась на то, чтобы на неё

сменить взятую в конюшне. Хотя и та была не ахти. Да и чем дальше, тем меньше оставалось надежды на то, что у Рысей получится снискать хоть какой-то помощи. Им самим не до жиру – быть бы живу. Лагерь выглядел разрозненно и голо. Только кое-где были сооружены навесы, отдалённо напоминающие палатки. В остальном же люди толклись у костров, обустраивались на временном постое кто как мог. Тут же на широком пне раздывали коровью тушу; едва не под ноги Младе шлёпнулся склизкий клубок ещё тёплых кишок. Она спокойно переступила через него, а идущая рядом Ведана брезгливо сморщилась. Можно подумать, никогда не видела, как её благоверный Зорен вспарывал животы людям во время жертвоприношений. Хотя, кто знает, может, он ограждал её от вида этого.

Рыси оглядывали нежданных гостей исподлобья, ещё более недоверчиво, чем сам Ждан, оказавшийся здесь после гибели отца, верно, кем-то вроде вожака. Далеко не все знали в лицо Хальвдана, а уж Младу и подавно. Их недружелюбные взгляды ощутимо впивались в кожу со всех сторон. Везде, где пришлось пройти, гомон стихал, сменялся шепотками или полнейшим молчанием деревенских. Только дети хныкали время от времени или громко спрашивали у взрослых, кто это пришёл. Уж слишком разительно отличались внушительный Хальвдан в богатом плаще, при оружии и сопровождающие его незнакомцы от потрёпанных и испуганных Рысей.

– В деревню никто не пробовал возвращаться? – озираясь, обратился воевода к Ждану.

– Боятся, – тот указал на место у одного из костров и сел рядом с Хальвданом. – Кто знает, может, эти твари оттуда ещё не убрались.

– Убрались, – буркнула Млада, устраиваясь напротив. – Мы не встретили никого.

Ждан въедливо посмотрел на неё и снова повернулся к воеводе, считая, видно, что только он достоин разговора.

– Всё началось, когда вельдчонок пришёл в себя... – продолжил он.

– Таки пришёл, – Хальвдан, дёрнув бровью, коротко взглянул на Зорена. Тот сгорбился сильнее и спрятал ладони под мышками.

– Да. Сначала кричал, точно режут его. Мать переполошилась, кинулась к нему, – Ждан вздохнул с тихим звуком, похожим на рычание. – Там её и разорвали. Может, и вельда разорвали бы, да он окно вышиб и сбёг. Я ведь ещё не знал, что мать погибла. Думал, ну всё, тронулся умом парень. Кинулся, значит, за ним, а он чешет, как будто волки его гонят. Припустил по улице да и в лес шмыгнул. Прямо босиком да в исподнем одном. Людей-то, погляди, вечером почти никого не было на улице, остановить некому. Я уж и кликал его и бранил, а потом выдохся. Ну и плюнул. Чего мне – по лесу в темноте за ним гоняться?

– Так кто Переславу разорвал? И Ратибора? – попыталась

Млада повернуть его рассказ в нужное русло.

— Я таких тварей никогда не видел, — неподвижно уставившись в костёр, ответил Ждан. — Похожи на дрекаваков, но гораздо больше. И на волкодлаков тоже похожи... Я не знаю, как сказать. Рожи как будто человечьи, только вытянутые, и пасть — порося целиком заглотит. Ростом повыше тебя будет, воевода.

— У страха глаза велики, — тихо высказался Зорен. Ведана с укором глянула на него и что-то шепнула на ухо, но тот только отмахнулся.

— Ты бы хайло своё захлопнул! — взвился Ждан. — Ты не видел то, чего видел я и все эти люди, — он обвёл рукой лагерь. — Когда я вернулся, то нашёл отца и мать мёртвыми. В крови! А на улицах скоро начало твориться бес поймёт, что. Этих чудищ были дюжины! Они рвали на куски всех, кто им попадался. Преследовали нас и в лесу. А потом отстали. Или исчезли. Это вельд виноват! Он их призвал! Может ты, суций потрох, на его стороне? А?!

Сын старосты двинулся на Зорена, а тот молча и решительно поднялся ему навстречу, сжимая кулаки.

— Уймись, Ждан! — грянул воевода и, встав, несильно двинул его по уху ладонью. — И ты, Зорен, свой зад прижми! Давайте ещё хари друг другу начистим — вот будет потеха!

Мужчины помолчали, перекидываясь мрачными взглядами, и одновременно снова сели на бревно. Люди кругом подтягивались ближе, вставали плотным кольцом, прислушива-

лись к разговору.

– А где Руслан? – глянула Млада на покрасневшегося Ждана, дождава, пока он перестанет рассерженно пыхтеть.

– Я нашёл его дома. Он спрятался в чулане.

Млада облегчённо выдохнула. Значит, жив. Зато страху небось натерпелся – будь здоров.

– Стало быть, Рогла ты больше не видел?

– Нет, не до того стало. Надеюсь, его уже сожрали в лесу волки или его же твари.

– Да с чего ты решил, что он их призвал? – Млада тоже начала злиться.

– А кто ж ещё-то? – крикнули из толпы. – Вельдчонок, бесовское племя. Он виноват!

– Переслава-то уж как за ним ухаживала. А её первую – того! – вторил ещё один голос.

– Наших сколько полегло! Сын мой, вон... – всхлипнула женщина в огромном мужском тулупе и вытерла слёзы слишком длинным для неё рукавом.

Остальные одобрительно загудели, выкрики слились в один, неразборчивый и злобный. Хальвдан обвёл Рысей смурным взглядом и встал.

– Тихо всем!

Люди тут же замолчали, удивлённо на него таращась.

– Не голоси на них, воевода, – хрипло возразил Ждан. – Ты тут не в Кириате, и князь твой далеко.

– А ты, погляжу, за старшего себя держишь? – процедила

Млада, поднимаясь. – Да я твою бородёнку за один раз выдеру, сопляк!

Она обошла костёр и встала рядом с Хальвданом. Но воевода поднял руку, останавливая её. Да и верно, помощь ему точно не требовалась. Верег больше чем на полголовы был выше каждого из Рысей и Ждана в том числе. И, видно, потому сын старосты не спешил вступать с ним в открытую стычку. Только сидел на своём бревне, сторбив плечи, и зыркал исподлобья.

– Если тебя избрали старостой вместо отца, то я с тобой и буду разговаривать дальше, Ждан, – спокойно произнёс Хальвдан после недолгого молчания. – А базар устраивать негоже. Мы с добром к вам пришли и просто хотим узнать, что случилось. Так ты староста?

– Он, кто ж ещё! – крикнул кто-то, но на него тут же зашикали со всех сторон.

– Нет, – бросил Ждан. – Но разговаривайте покамест со мной. Мож, староста и объявится ещё.

– Значит, что я скажу... – воевода заложил руки за спину и выпрямился. – В деревню можно возвращаться. Там ваши дома, и они теперь пусты. Тех тварей больше нет. Мы осмотрели все дворы.

Никто не возразил. Хальвдан продолжил:

– Старосту выберете на вече, когда всё уляжется. И сообщите о том, что случилось, кнезу. Он поможет...

Пока воевода говорил, Зорен тихо подошёл к Младе со

спины. Она только почувствовала, как скользнуло его дыхание по уху.

– Рогла нужно найти.

– Я знаю.

– Прямо сейчас. Он уже почти сутки плутает в лесу.

Млада развернулась и схватила жреца за грудки одной рукой.

– Ты, выродок, сделал с ним что-то и ещё будешь мне указывать? Твоё воспитание Рогла закончилось, заруби себе на носу! Паршивый из тебя отец вышел, не находишь?

Зорен взял её за запястье и невозмутимо отстранился. Но она пальцев не разжала. Ведана подскочила с другой стороны и попыталась оттеснить Младу плечом. Хальвдан сурово глянул в их сторону, но вмешиваться не стал, отвлекая на себя внимание деревенских. Те, выслушав его размеренную речь, начали потихоньку расходиться, кивая и негромко переговариваясь между собой. В мгновение ока вокруг никого не осталось. Зато в лагере сразу поднялась лёгкая суматоха. Как будто, последовав совету воеводы, многие тут же захотели вернуться в свои дома, пусть и на ночь глядя. Хваткая тяжёлого напряжения и страха разжалась, и по становищу точно пронёсся свободный вздох облегчения.

– Млада! – позвал Хальвдан. Она отпустила одежду Зорена и подошла. Воевода склонился к её уху и угрожающе проговорил: – Будь так сказочно добра, держи себя в руках. Ещё немного, и Рыси ополчатся против нас. Думаешь, они

не заметили вельдскую рожу Зорена? Но покамест молчат – и ладно.

– Я пойду искать Рогла, – не вняв его словам, Млада сделала шаг назад и повернулась к Ждану. – Покажешь, где последний раз видел вельдчонка?

Сын старосты поднял на неё сумрачный взгляд, а потом перевёл его на подошедшую Ведану.

– Ядрёно ж корневище... – он ошарашенно усмехнулся и сплюнул в костёр. – Мне мерещится, что ль? Али вы сёстры?

– Это имеет какое-то значение? – нетерпеливо прервала его Ведана. – Скажешь, где отстал от Рогла?

– А и скажу. Мне оно всё равно, станете вы его искать или нет. Главное, потом сюда не приводите, – Ждан упёрся ладонями в колени, встал и одёрнул кожух.

Он окликнул и жестом подозвал нескольких мужчин. Что-то сказал им. Те поначалу хмуро оглядели Зорена, но затем согласно закивали и в ожидании встали в стороне. Млада только усмехнулась, наблюдая. Ишь ты, какой Ждан важный стал, остальными распоряжается только так. Да ему не впервой. Травлю её и Рогла в прошлый раз он тоже сподобил очень споро.

– Пойдём пешком через лес, тут недалёко, – Ждан походя засунул себе за пояс топор. – А там сама ищи.

– Я тоже пойду, – отозвался Зорен.

– Нет уж, тут сиди, под присмотром воеводы, – не глядя на него, возразила Млада. – Я не доверяю тебе настолько,

чтобы вместе ночью идти в лес.

Хальвдан громко хмыкнул, но ничего не сказал. Зорен только покосился на него. Ждан с возрастающим подозрением наблюдал за ними, с особым вниманием приглядываясь к жрецу. Пора было уводить сына старосты отсюда, иначе даже под синяками и ссадинами он скоро разглядит сходство жреца с Роглом. А там пёс его знает, чего удумает.

Млада накинула капюшон и тронула ножны с Призраком на поясе.

– Веди, Ждан. Ведана пойдёт со мной.

* * *

Они шли напрямки через лес. Ждан явно очень хорошо знал здешние места, уверенно вёл за собой, нигде не останавливаясь, не задумываясь ни на мгновение. Трое мужчин молчаливо следовали позади. Только один из них время от времени сморкался в сторону и тихо клял промозглую, сырую погоду.

Свет костров взбудораженного хоть каким-то хорошими вестями лагеря растворился во мраке наступающей ночи. Поднявшийся ветер лизал щёки и шею. Трепетало и потрескивало пламя факелов в руках мужчин. Казалось, сосны смыкаются за спиной плотной стеной, стоит только пройти мимо. Небо всё больше чернело в вышине, как будто обрачивалось непроглядной пропастью. Ведана, придерживая

подол шерстяного платья, порядком испачканного ещё в темнице, старалась не отставать от Млады и сосредоточенно сопела, глядя себе под ноги. Но всё равно то и дело спотыкалась или цеплялась плащом за торчащие из снега ветки.

Млада же шла твёрдо и легко. Огибала кусты, уклонялась от веток ольховника, когда идущий впереди Ждан отпускал их. Казалось, он не разбирал дороги, стараясь как можно больше срезать путь. Но никому не приходило в голову высказать недовольство. Сейчас Ждан особенно сильно походил на своего отца, хоть не уродился таким же как у него ростом, а лицо его выдавало черты Переславы. Но в нём чувствовалась сила и уверенность старосты. Иначе никто из Рысей не стал бы его слушать. А ведь он ненамного старше Рогла...

Скоро, да не так, как хотелось бы, они вышли на дорогу, а вдалеке можно было смутно различить очертания мёртвых домов покинутого селения. Мужчины обеспокоенно заозирались, напряглись, крепче сжимая в руках оружие. Ждали, видно, что вот-вот выскочат на них оставшиеся там твари. Но вокруг было тихо и пусто.

Ждан прошёл ещё немного ближе к деревне, снова углубился в лес и остановился, разглядывая следы на снегу. Млада встала рядом с ним.

– Вот тут, – он поднял факел чуть выше и кивнул на тереющуюся в темноте вереницу следов, уходящих на север. – Тут я остановился, видите? А он побежал дальше. Хоть бы

сдох, паскуда.

– Следи, что говоришь, – предупредила Млада.

Ждан только дёрнул плечом, опустив голову. Вздохнул и повернулся к ней.

– Коли хошь защищать его, так защищай, – он зло сверкнул глазами и сунул Младе в руку факел. И ещё один незажжённый. – Только я знаю, что это он виноват. И знаю, что тот черноволосый, который пришёл с вами, это его родич. Наверное, отец. И я мог бы спросить, на кой княжеский воевода и кметь якшаются с вельдами. Но пока не стану. Только ищите своего вымеска поскорей и убирайтесь. Наш род и так хлебнул горя. Будя...

– Спасибо, Ждан, – Млада хотела тронуть его за плечо, но тот увернулся. – Из тебя вышел бы хороший староста.

– Нет, – он дёрнул головой и сглотнул. – Я уже послал за настоящим старостой.

Затем развернулся и, махнув своим спутникам, ушёл. Скоро огонёк, сопровождающий их, пропал во мраке леса.

Млада осмотрела ещё почти целый факел, размышляя, хватит ли двух на поиски Рогла. Кто знает, далеко ли он успел забраться. Тёмный лес вокруг как будто затягивал в свою глубину. Казалось, за каждым деревом тут может спрятаться по чудовищу из тех, что перебили пол деревни Рысей. Зорен говорил ещё в Кириате про каких-то тварей из Забвения. Могли ли это быть они? Как будто тех лягух на болоте было мало. Но других предположений всё равно не находи-

лось. Млада повернула на север и пошла вперёд, придерживаясь дорожки глубоких следов. Ведана поспешила за ней.

Чем дальше они уходили от пустой деревни, тем слабее верилось в то, что Рогла удастся найти. По крайней мере, живым. Он без тёплой одежды и обуви пробыл в лесу целый день. Что же помогло ему прийти в себя и в то же время напугало так, что он без оглядки кинулся бежать, не внимая даже окликам Ждана? Не иначе снова козни Корибута. Млада чувствовала, как нить судьбы стягивает её и отправившихся с ней в путь людей в тугой пучок, оплетает призрачной сетью неизвестного, старого, как сам мир, Забвения.

Ведану, видно, мучили те же мысли. Она в очередной раз догнала Младу и тихо тронула её за руку.

– Как думаешь, найдём?

Её жесткость и непреклонность испарились в мгновение ока – а без них осталась только девушка, которая тревожится за родного ей пропавшего человека.

– Найти-то найдём... – вздохнула Млада и резко обернулась в сторону неразборчивого шороха. Подняла руку, предупреждая новые вопросы сестры.

Но там никого не оказалось. Наверное, птица вспорхнула. Как будто в подтверждение этого вдалеке прогудела неясность, и снова всё стихло. Только шелест снега под ногами и колючий треск наста.

– И всё-таки, что Зорен сделал с Роглом? – Млада пошла дальше, не сводя взгляда со следов. – Зачем ранил?

– Если бы я знала, – пожала плечами Ведана. – Он вообще плохо помнит этот момент. Теперь мне кажется, что это тоже был замысел Корибута. Ведь по крови Рогл – вельд. Нам многого не дано понять, Бай... Млада. Но, может, эта дорога поможет разобраться. Я верю, что мы все оказались на ней не зря.

Млада снова приостановилась, прислушиваясь, но мотнула головой. Показалось.

– Если этот Корибут не начнёт истреблять нас по одному, – буркнула она. – А то и до Аривана можем не дойти. Кто знает, что нас ждёт.

– Ты ему по-прежнему нужна. И Рогл, видно, тоже.

Что-то как будто толкнулось внутри, голову повело, и факел стал вдруг слишком тяжёлым. Млада оперлась о ствол сосны другой рукой и задержала дыхание. Заныли раненые осенью бедро и плечо. Точно в них медленно входило по ржавому гвоздю. Шершавая кора впивалась в ладонь сквозь перчатку, и эта лёгкая, почти неощутимая, но в то же время реальная боль постепенно приводила в чувство. Только снег под ногами ещё некоторое время подрагивал и качался.

– Что с тобой? – Ведана обеспокоенно заглянула ей в лицо. – Ты прям помертвела.

– Всё в порядке, – Млада слабо улыбнулась, выпрямилась, чувствуя, как её будто схватили за хребет и пытаются выдрать его через грудь.

Она с трудом вдохнула – и тут всё прошло. Земля стала

такой же устойчивой. Так же безразлично шелестели кроны сосен над головой, и мерцали звёзды. Так же темнели исполинские стволы колдовских елей в темноте. Тёплая ладонь Веданы лежала на плече и такие же зелёные, как у Млады, глаза с тревогой всматривались будто в самую душу. Похоже, сестра понимала, что происходит, или хотя бы догадывалась.

– Ты... чувствуешь его?.. Млада?

– Кажется, да. Идём.

Они прошли ещё совсем немного, когда увидели впереди темнеющую сырой землёй обширную проталину. Посреди неё, скрючившись, лежал Рогл в одних исподних штанах и с наполовину размотавшейся перевязью поперёк груди. Чёрные волосы закрывали его лицо. Кожа соперничала белизной со снегом вокруг, руки сжимали голову, будто от страшной боли. Казалось, он не дышит.

Млада отдала факел Ведане и бросилась к мальчишке. Осторожно взяла его за плечи и развернула к себе. Тряхнула.

– Рогл! Ты слышишь меня?

Он не пошевелился и не ответил. Млада прижала пальцы к его шее под подбородком. Сердце Рогла билось медленно и тихо. И он был тёплым! Как будто не лежал посреди снега без одежды уже Боги знают, сколько. Млада, пачкая штаны на коленях влажной землёй и прелой травой, перехватила его удобнее, приподняла, поддерживая голову. Ведана села рядом, воткнула факел в снег и склонилась над мальчишкой. Сдвинула грязную перевязь, присмотрелась к зажившей ра-

не, которая ещё недавно выглядела гаже не придумаешь и смердела, как помойная яма. Затем Ведана осторожно разлепила ему веки на правом глазу. Зрачок тут же сузился.

– Не может быть... – прошептала она.

– Может или не может, но он жив. Нам нужно доставить его в лагерь. Подержи.

Ведана положила голову Рогла к себе на колени и обхватила его руками. Млада расстегнула плащ и накрыла вельда им, подсунула под спину. Огляделась. По глубокому снегу просто на горбу она Рогла не дотащит, может пронести только некоторое время. Ведь весом они почти одинаковы. Ведана с этим и подавно не справится.

Делать нечего. Млада встала, достала из ножен Призрак.

– Что ты собираешься делать? – прилетел в спину тревожный вопрос Веданы.

Не ответив, Млада подошла к ближайшей ели, размахнулась и в несколько ударов подрубила разлапистую нижнюю ветку. Меч не простит ей такого обращения, но топора из лагеря никто взять и не вспомнил – так он и остался притороченным к седельной сумке. А ножом пилить замаешься. Оставалось надеяться, что крепкая хадымская сталь выдержит. Млада повисла на ветке, подогнув колени, подёргала и отломила её, бросила в сторону. Замахнулась снова. Удары отдавались в локтях, плечах – во всём теле. Сталь оглушительно вбивалась в дерево. Запахло смолой. Щепка больно ударила в щёку. Ведана косилась с опаской, продолжая креп-

ко прижимать Рогла к себе.

Закончив, Млада подтащила ветки к проталине, перевязала их нашедшейся в заплечном мешке верёвкой. И только потом осмотрела Призрак. На ровном серебристом лезвии не осталось ни одной зазубрины. Поистине мастерству хадымов нет равных.

Вместе с Веданой они перетаскивали завёрнутого в плащ Рогла на хлипкие волокуши. В этот раз мальчишка тихо застонал и попытался оттолкнуть руки Млады.

– Горячо... – просипел он и опять впал в беспамятство.

Они тащили Рогла по глубоким сугробам долго. Он постоянно соскальзывал, приходилось останавливаться, чтобы завернуть его в плащ снова или поудобнее устроить на ветках. Ноги скоро стали заплетаться. Казалось, Млада уже давно тащит его одна, а Ведана только мешает. Влажные от пота волосы лезли в глаза, рубаха липла к спине, а перчатки – к ладоням. Губы застывали от сырого ветра. В сапогах было мокро от растаявшего снега.

Пару раз они останавливались на короткий привал, угрюмо глядели друг на друга, как в отражения, а затем молча вставали и продолжали тащить Рогла по своим же недавним следам. Не так уж он был тяжёл, тем более исхудавший после ранения, но постоянное сопротивление снега утомляло донельзя. Ночь казалась бесконечной, и лес – тоже. Но перед глазами были следы – захочешь, не заблудишься.

Когда ноги перестали увязать в сугробах, Млада даже не

сразу поняла, что они вышли на прокатанную санями и вытопанную дорогу. Хотелось сесть и никуда не идти весь ближайший день.

Они ещё немного перевели дух и двинулись вдоль широкой тропы. Дело спорилось гораздо быстрее, несмотря на усталость. Небо начало светлеть, и скоро облака на востоке вспыхнули огненным пурпуром. Зарево утренней зари расплывалось всё больше, окрашивая серый ночной мир скудными зимними красками. Зазеленела хвоя на ветках, зазолотилась тёмная сосновая кора. И всё вокруг окуталось лёгкой морозной дымкой.

Когда до лагеря осталось всего ничего, издалека, нарастая, раздался стук копыт по хрусткому снегу. Млада и Ведана одновременно обернулись. Шестеро всадников показались из туманной пелены, и чуть погодя их обогнал окрик:

– Млада! Эй, Млада!

Она только мгновение размышляла, куда можно деться, но эта мысль была загодя безнадёжной. Куда скроешься с сестрой и едва живым Роглом? Млада отпустила волокуши и, жестом приказав Ведане оставаться на месте, пошла навстречу всадникам. В голове отряда она разглядела Медведя. Надо же, не узнала по голосу.

Тот остановился, спрыгнул на землю и бросил поводья другому кметю.

– Здравствуй, Медведь... Какими судьбами? – Млада оглядела его, прищурившись.

Она уже знала, зачем приехал отряд. Не иначе князь отправил вслед за беглецами. Но Медведь как будто не расслышал её холодного тона, натянуто улыбнулся, а потом глянул за спину и некоторое время разглядывал Ведану, присевшую у волокуш с Роглом. Прошло несколько мгновений ожидания – что он станет делать?

– Не прикидывайся, что не понимаешь, зачем мы тут, – лицо кметя вдруг стало серьёзным. – Князь хочет вернуть вас обратно. А уж почему вы сбежали, не объяснил. Сказал только, что пленников из темниц увели. Второй отряд он отправил по Южному тракту.

Надо же, предусмотрительный. Похоже, увещевания Бажана не помогли, и Корибут слишком сильно успел вьестись в разум Драгомира. Теперь всё может стать слишком сложно, как будто и без этого каждый день приносил только радость. Путь по большаку закрыт в ближайшие дни, а плутать лесными тропами – время терять.

– А ты и спрашивать не стал, почему мы сбежали, – ворчливо пробурчала Млада и направилась к Ведане, раз уж сопротивление не понадобилось. – Не твоего ума это дело. Да, Медведь? Княже сказал – значит, надо ехать. Ловить и тащить назад.

– Я кметь и должен слушать своего князя. Иначе грош мне цена. Не нужно пытаться обидеть меня ещё больше, чем ты это уже сделала, – глухо проговорил Медведь и взял её за плечо. Млада сбросила его руку. Слишком грубо.

– Не трогай, не то я за меч возьмусь. Потом уводи, куда хошь. Силой, разумеется. Потом... А сейчас дай Рогла до лагеря дотащить.

Медведь быстро окинул взглядом вельда.

– Давай помогу.

Он легко подхватил мальчишку на руки и, кивнув своим безмолвным до сего момента спутникам, пошёл вслед за Младой. Немного помолчав, он всё же спросил, что случилось с деревней, и в его тихом, даже бесцветном голосе слышалась странная горечь. Млада пересказала ему всё, что знала. Рассказала о старосте и его жене, отметив, как дёрнулся у Медведя кадык и побелели губы. Рассказала о побеге Рогла и о том, что в лагере его считают виноватым во всём. Она понимала, что многого Медведь просто не возьмёт в толк, потому что вряд ли кто-то говорил ему о Забвении и Корибуте. Но кметь лишнего не спрашивал, слушал внимательно и казалось, этого ему достаточно. Ведана же только искоса приглядывалась к дружинникам, опасливо придерживалась Млады и молчала.

Чем ближе они подходили к лагерю, тем чаще навстречу стали попадаться Рыси. Одни тащили скудный скарб, другие и вовсе были налегке. Они возвращались в деревню. Редко кто из них безучастно скользил взглядом по Роглу на руках Медведя. Некоторые поглядывали враждебно, но ничего не говорили, лишь перешёптывались между собой. Кто-то удосужился крикнуть, что, мол, куда вы прётесь, ведь лагерь

расходится. Кмети, ведущие коней только отшучивались, а то и огрызались.

Лагерь и правда оказался теперь почти пуст. Дымили потухшие кострища, а люди тёмной вереницей устремлялись в сторону деревни. Тихо, почти скорбно. Млада прикрыла лицо Рогла краем плаща. Суровый вид кметей, а особенно могучего Медведя, загонял в обратно в глотки Рысям все вопросы. Вдалеке показался Хальвдан, смурной и явно не выспавшийся. Он покрасневшими глазами окинул всех пришедших, чуть дольше задержавшись на кметях и махнул рукой:

– Кладите Рогла здесь...

Подоспевший Зорен расстелил на земле у костра свой плащ, и Медведь осторожно уложил мальчишку на него.

– Вы всё-таки притащили его сюда... – вздохнул за спиной Млады Ждан. – На ваше счастье здесь уже почти никого нет.

Медведь выпрямился и повернулся к нему. Кажется, слишком долго они разглядывали друг друга. Ждан как-то съёжился, потускнел и в конце концов не выдержал – потупился.

– Ну, здравствуй, братец, – хрипло, незнакомым голосом проговорил Медведь. – Давно не виделись. Посчитай с осени, когда ты наш род позором за клевету покрыл.

– Я покрыл свой род позором не больше отца в своё время! – осклабился Ждан, но глянув на остальных, затих.

Млада недоуменно обернулась на Хальвдана, но он только

молча взял её за локоть и отвёл в сторону, оставив Ведану и Зорена хлопотать над Роглом, а братьев – разговаривать после долгой разлуки. Не зря тогда показался подозрительным тоскливый взгляд Ратибора, обращённый на старшего сына. Не хотел он распри между ними, а Млада невольно своим упрямством уберегла их от поединка.

– Ты знал, воевода? – пробормотала она, не в силах отвести взгляда от Медведя, который будто бы вмиг сделался на несколько лет старше.

– Знал. А ещё Бажан и Драгомир знали. Но Медведь просил нас никому об этом не говорить. Крепко он с Ратибором разругался тогда. Хоть и сын ему. Только Переславе не родной.

– Бастард?

Млада только догадалась о том, что Хальвдан кивнул.

– Ты пойми, я тоже его не расспрашивал, – он помолчал и добавил: – Но как-то доводилось мне разговаривать с Ратибором. Он хотел, чтобы Медведь стал старостой после него, как придёт время. Только слишком рано оно пришло.

Млада повернулась к Хальвдану и глянула снизу вверх. Его лицо было спокойно и задумчиво. Следы былой неприязни к Медведю полностью сошли с него. Сейчас в едва заметных складках у рта и между бровей читалась только усталость. И почему-то первый раз за всё время Млада ощутила радость от того, что с ней поехал именно верег. Радость далёкую, скользнувшую тенью где-то внутри за беспокойством о

Рогле, за злостью на князя и саму себя. За призрачным страхом перед Корибутом, которого она даже никогда и не видела, но теперь ясно ощущала кожей его присутствие. Радость, казалось бы, незначительную и неуместную, но разлившую по сердцу лёгкое тепло.

Хальвдан опустил взгляд и ободряюще улыбнулся.

* * *

– Мы покамест останемся здесь, Медведь.

Млада накрепко застегнула седельную сумку, только что снятую со спины прекрасного вороного коня, которого ей отдал один из прибывших кметей. Над её плохонькой лошадкой, оставшейся одно что взамен, он только посмеялся, но заверил, что в детинце разницы не заметят.

Чуть поодаль Хальвдан стаскивал свои вещи с крепконового каурого мерина, на котором приехал сам Медведь. Зорен разводил на новом, сокрытом между деревьев от ветра месте костёр. Навес между стволами был уже натянут. Рогл лежал под ним всё так же без сознания под присмотром Веданы.

– Вы можете расположиться в доме отца, пока Рогл не придёт в себя, – в который раз попытался возразить Медведь. – Там вас никто не тронет.

– Старосте не к лицу идти против своего же народа.

– Я ещё не староста. Да и стану ли им, когда княже узнает,

что я вас отпустил. Наложит вето, да ещё из дружины прогонит.

— Будет вече, и тебя выберут вместо отца, — Млада хлопнула ладонью по брошенной на землю сумке и повернулась к Медведю. Он нахмурился и невесело усмехнулся. — Князь не пойдёт против воли людей. Ты — воин, прошедший через бой с вельдами. Рыси уважают тебя. К тому же Ратибор хотел этого. А его они уважали и любили ещё больше. И тебя любят — вот увидишь. А чтобы это случилось поскорей, нам с двумя вельдами лучше в деревне не появляться. И уж тем более в твоём доме. Впрочем, кажется, я это уже говорила вчера...

Медведь вздохнул и невольно посмотрел в спину Зорену, который раздувал чуть занявшиеся пламенем ветки. Ещё накануне, когда все они, кроме Веданы, пришли к погребальному костру Ратибора, Рыси косились на вельда с плохо скрываемой ненавистью, и только твёрдый вид Медведя удержал их от открытых нападок. А вспыхнувшие было враждебные возгласы загубил на корню. Неведомо почему деревенские сразу приняли его за старшего. Видно, потому что он очень уж походил на молодого Ратибора. Это стало бросаться в глаза сразу после того, как Млада узнала о том, что кметь его сын. Она даже удивлялась тому, как раньше не замечала такого поразительного сходства. Хоть жизнь и ремесло научили её быть очень внимательной к подобным мелочам. Пусть и бастард Медведь, а люди перешли под его

крыло гораздо охотнее, чем под Жданово. Оно и неудивительно: взбалмошный и подловатый парень вряд ли вызывал даже у родичей такое уважение, как княжеский дружинник. Он уже доказал свою твёрдость и отвагу в бою. За ним жители Беглицы будут, как за каменной стеной.

– Значит, Ариван... – Медведь пытливо заглянул ей в глаза. Млада кивнула. – Хоть на обратном пути заедь в гости.

– Коли будет обратный путь – заеду. А ты обживайся поскорей. И подумай над тем, что я тебе говорила про Раску. Хозяйка в доме нужна.

Медведь чуть склонился к её лицу и осторожно провёл пальцами от виска к щеке.

– Ты же знаешь, что... – он подался вперёд ещё, почти коснувшись губами её губ.

– Перестань, – Млада отклонила от его ладони и глянула поверх спины коня на Хальвдана. Но тот о чём-то говорил с Зореном и не смотрел в их сторону.

– Прости. Но по-другому не могу, – почти прошептал Медведь. – Хоть и знаю, что ты моей никогда не будешь.

– Не буду... Но всё равно я очень благодарна тебе за всё. За то, что останавливать нас не стал.

Кметь горько улыбнулся и вдруг притянул Младу к себе. Обнял, крепко и тепло. Она на мгновение почувствовала его запах, но внутри по-прежнему ничего не дрогнуло. Растворилось в душе сожаление об их единственной ночи – ведь тогда им было хорошо. Этого ли не достаточно? Млада толь-

ко позволила себе задержаться подольше в заботливых, могучих объятиях и отстранилась.

Медведь тут же отвернулся и, издалека попрощавшись с остальными, запрыгнул в седло и уехал.

Глава 3

Тёплое совсем уж по-весеннему солнце, поднимаясь всё выше по небу, сквозь окно пекло затылок. В покоях с непривычки было душно – хоть стёкла выбивай. И скажи кто, что на дворе только начался Лютень – не поверишь.

Драгомир раздражённо отбросил в сторону записку от древнерского старосты Наяса. И почему же с этим несносным стариком постоянно всё сикось-накось? Ни разу не прошло гладко ни одной встречи, ни разу дань они не заплатили без проволочек. Даже с сотнями для войска кобенились до последнего. Вот и теперь Наяс писал, мол, приехать не может, потому что захворал, а путь до города неблизкий. Дороги раскисли – и в санях, и в телеге ехать одинаково не с руки. И в каждой скупой строчке слышалось нарочито мучительное кряхтенье немощного старца. Хоть Драгомир помнил и его проницательные, ясные не по летам глаза, и больно крепкую для прожившего долгий век мужчины фигуру. Прикидывается, как пить дать. Не упустит okazji щёлкнуть по носу зазнавшегося юнца, хоть юнцом Драгомир уже давно быть перестал.

Прямо того Наяс не сказал, но дал понять: если хочешь узнать о себе и странном душевном недуге хоть что-то – придётся ехать к древнерам самому. Князь – не князь, а уважение к старшему проявить надобно. И уж выдумки то на-

вешанное на уши Хальвдану предостережение или правда – другой вопрос.

Мысленно Драгомир прикинул, сколько ехать до Излома, и глянул на улицу. Погода к путешествиям располагала, хоть дорога за время похода засела костью в горле. К тому же со дня на день должны были вернуться отряды, отправленные вслед за сбежавшей Младой – наверняка уж нагнали. Но деваться всё равно некуда. Такое дело, как разговор со старостой, никому не поручишь. И тянуть больше нельзя. Драгомир это чувствовал нутром. Знал, что его заволакивает чем-то тёмным и вязким.

Вот и сегодня ночью ныла раненая рука – так, что не вздохнуть. А на утро постель была противно влажной от пота.

В светлицу вошёл Лешко, взлохмаченный и радостный. Вот уж кому, а ему, неутомному, не терпелось снова отправиться в дорогу. До сих пор каждая поездка для него – событие и повод гордиться тем, что он служит самому князю. Вот и к древнерам тоже напросился.

– Вигену всё передал, – звонко сообщил мальчишка. – Сказал, сейчас будет.

Драгомир рассеянно кивнул и даже не заметил, как Лешко ушёл. В висках гулко билась кровь, точно тело охватывала лихорадка. Расплывались вокруг покои, и тускнел тёплый солнечный свет, заполняющий их россыпью сияющих в воздухе пылинок. Откуда-то изнутри доносился неразборчивый

гул, похожий на слова, повторяемые снова и снова. Драгомир вслушивался, силился понять и злился от того, что понять не может. Это почему-то казалось ему очень важным.

Мелькнула тень впереди, на миг озарилась пятном света и замерла. Назойливо, тяжело. Нависла в немом ожидании. И слух поразил невыносимо громкий возглас, пронизанный недоверием или даже испугом.

– Княже!

Драгомир вскинул голову. Перед ним, заложив руки за спину, стоял Виген. Напряжённый и беспрестанно его оглядывающий. Заботы во время похода сказались на нём нехорошо. Он как будто осунулся, посерел. И до того худощавое лицо его стало ещё более резко очерченным. Но в то же время Виген по-другому стал держать спину, словно ещё пуще закалился твёрдый стержень, присущий ему, сколько Драгомир его знал. И сталь его явственно отдавалась особым блеском в светло-серых глазах.

– Мне нужно уехать, Виген, – ещё немного помолчав, говорил Драгомир. – Ненадолго. На несколько дней. Бажан ещё под стражей, а Хальвдан пёс знает где – значит, тебе опять оставаться за старшего, пока меня не будет.

Виген согласно и почтительно наклонил голову, но всё же вопросительно сверкнул на него глазами. Драгомир жестом разрешил ему говорить.

– Я думал, ты прикажешь выпустить Бажана. Он в твоё отсутствие справился бы не хуже.

– Он уже справился. Так, что сбежали два пленника и воевода с кметем. Пусть посидит ещё. Плесенью не покроется, – Драгомир краем глаза увидел, как Виген пожал плечами. – Может, пока я буду в отъезде, вернутся отряды, отправленные за Младой... и всеми остальными. Кметей расспросить, новых приказов не давать. Посох сразу же отнести ко мне в покои и никому не прикасаться. Кого привезут – в темницу до моего возвращения. Никаких поблажек.

– И Хальвдану?

– Ему, паскуде, в первую очередь.

Скрытник поджал губы, но возражать не решился. Драгомир внимательно его оглядел и продолжил, удовлетворившись молчанием:

– С Торой ты отправил надёжных людей? Мне нужно вовремя узнать о том, как Ингвальд встретит известие о смерти дочери.

– Надёжных. Хотели поехать некоторые вереги, чуть бучу в детинце не подняли. Правда, кмети их быстро приструнили. Но, – Виген нахмурился и вздохнул, – чуется мне, что на время они притихли. Только Хальвдан их в узде держал. А слухи-то о Гесте ходят...

Он осёкся, когда Драгомир сжал в кулак лежащую на столе ладонь. Одно решение, принятое Хальвданом и Бажаном втихаря, а столько забот разом. Вереги, хоть и поредевшие после похода – большая сила. Такие же своенравные, как их несостоявшийся ярл, и такие же упёртые. Будут воду мутить.

Не сегодня, так завтра.

– Ты уж за ними пригляди, Виген, – тихо и угрожающе произнёс Драгомир.

Начальник стражи потёр шею, но ничего не ответил. Потому как это не просьба – приказ.

– Ещё будут распоряжения? – он отступил на шаг с готовностью уйти.

– Да, – Драгомир покрутил в пальцах попавшее под руку перо. – Подбери мне шестерых гридней в сопровождение. Пусть сберутся в дорогу. Завтра ещё затемно выезжаем.

Виген снова поклонился и вышел.

* * *

Застывший за ночь снег шуршал под копытами коня и постепенно таял под напиранием рассветным теплом. Солнце лениво выкарабкивалось из-за вытянутых вдоль горизонта облаков, пробивая в них прорехи острыми, яркими лучами. Оказывается, кое-где пашни вокруг Кирията уже чернели мёрзлыми проталинами. Лёд на Нейре раскисал, захлёбывался, исходя влагой. Но настырные рыбаки спозаранку уже сидели тут и там, сгорбившись над лунками, не боясь провалиться.

Драгомир вместе со своим отрядом минул мост и пустил коня бодрой рысью. К новому жеребцу он пока не мог привыкнуть. Ни к его серой, а не чёрной гриве, ни к его ша-

гу, нетерпеливому, норовящему при любом удобном случае сорваться в галоп. Он полностью оправдывал свою кличку – Расенд – данную ему Хальвданом. Драгомиру в конюшне предлагали и другого. Но почему-то он захотел взять жеребца верега. Раз уж тот не пожелал отправиться на нём в путь сам. Сбежал, как вор. Тайком.

Расенд, будто почуяв злость Драгомира, припустил быстрее. Радостно фыркнул, повернул уши в его сторону, ожидая одобрения. А и пусть! Драгомир ударил коня пятками, и тот рванул по большаку. Отряд остался далеко позади. Лешко попытался нагнать, но куда ему. Остальные и пробовать не стали.

Драгомир мчался, пригнувшись к конской гриве, смаргивая выступающие от ветра слёзы. Дорога размывалась белёсой полосой, удары копыт о землю мерно отдавались в теле. Чуть морозный воздух щипал горло. Хорошо. Ехать бы так бесконечно, чувствуя силу коня и забыв о собственном нарастающем бессилии. Но перед поворотом на Елогу Драгомир приостановился и дождался гридней. Дальше снова поехали спокойно.

Заночевать решили в Гремячем Ключе, хоть после случая с покушением на Хальвдана Драгомир предпочёл бы обойти деревню стороной. На единственной широкой улице по случаю позднего вечера оказалось мало людей. Тащил огромную вязанку дров мужик на полусогнутых от тяжести ногах.

Шла вдалеке женщина, постоянно поддёргивая к себе за руку вертлявого ребёнка. Две девицы с покрытыми шерстяными платками головами судачили о чём-то, притулившись на лавке у забора. Завидев Драгомира, они только рты пораскрывали, оборвав разговор на полуслове. Лешко с важным видом подъехал и, не спешиваясь, спросил, где дом нового старосты. Девчонки оглядели парня, отчего у того заметно покраснели уши, и одновременно махнули вдоль улицы.

— Там, через три... Нет, четыре дома отсюда, — перебивая подругу, выпалила одна. И снова покосилась на Драгомира. Он отвёл взгляд.

Лешко благодарно кивнул. И отряд двинулся по раскисшей за день до бурой мешанины дороге.

Староста Болько, выбранный не так давно на вече, оказался высоким и жилистым. Драгомир смутно его помнил. Кажется, он был даже старшим братом Могуты. И не удивительно, что занял его место. В рослом мужчине виделась нужная для старосты твёрдость и решительность. Драгомира он узнал сразу, хоть о своём приезде тот сообщить не успел. Только на мгновение в глазах Болько мелькнула подозрительность, а затем он растянул губы в скупой улыбке и вместе с подоспевшим на подмогу Лешко открыл ворота, пуская отряд на обширный, сияющий порядком двор.

Болько был неразговорчив. Зато его жена, успевающая, кажется, сразу везде: и вынуть из печи горячий горшок, и отвесить лёгкий подзатыльник расшалившемуся сыну в латан-

ной рубашонке до пят, и ласково глянуть на мужа – трещала без умолку. Драгомир уже в первые мгновения перестал поспевать за её болтовнёй. По мрачно-безразличному виду старосты было заметно, что он терпит это каждый день.

Разговор не ладился. Гридни молча дожёвывали свой хлеб, подбирая им с мисок остатки ячневой каши на молоке. Лешко откровенно задрёмывал. Жена старосты, на счастье, скоро иссякла и, прогнав любопытно выглядывающих из-за всех углов детей, тоже ушла. Поговорив о грядущей посевной, о рыбаке, которого недавно унесло течением, и старательно обходя разговор о погибшем от руки Хальвдана Могуते, решили разойтись спать.

Гридней отправили ночевать в гостинные избы. А Драгомиру постелили в большой клети у печи – негоже самого князя прогонять и заставлять его тащиться до края деревни. Хлопоты стихали. Последний раз спросив у старших сыновей о том, напоены и накормлены ли лошади, Болько повернулся к Драгомиру, ещё сидящему за столом. Пожевал губами и всё-таки решился узнать:

– Так почему не вернулись наши мужчины из похода, княже? Мы ждали. И ни одного не дождались.

В висок ткнулась тупая боль. Драгомир приложил холодную ладонь ко лбу, облокотившись о стол.

– Бой был страшный, Болько. Многие погибли. Так уж вышло, что все из вашей деревни полегли. Никто в том не виноват, кроме вельдов...

Так уж и никто? Драгомир замолк. Самое паршивое то, что ему больше нечего было ответить, хоть в голове и крутились полубезумные рассказы Бажана о невиданных и опасных чудищах. Но разве староста поверит? Драгомир и сам не верил. И от этого смутно чувствовал себя виноватым. Будто оправдывал сам себя. Будто Восточные сотни погибли по его недосмотру и халатности, и древнеры из Гремячего Ключа – тоже. Более того – он сам приложил к тому руку. Староста долго смотрел на него, словно хотел спросить ещё что-то, но только вздохнул и отвернулся.

– Пойдём, княже. Там тебе уже постель приготовили.

Драгомир проснулся рано, едва не пинками растолкал Лешко и спешно собрался в путь. Хмурый и заспанный Болько вышел проводить его, не уговаривая задержаться. Жена старосты успела завернуть отряду в дорогу кой-какой снеди, хотя они и сами запаслись едой на всё время пути. Но отказываться невежливо – нужно чтить хозяйское гостеприимство, как бы смурно ни поглядывал глава дома.

Без надобности заезжать в Елогу короткой дорогой Драгомир повёл отряд прямиком к деревне Наяса. Нынешний день выдался тёплым и слякотным. С неба свисала грозящая разразиться не то дождём, не то мокрым снегом хлябь. Лес застыл в плотном влажном воздухе. Грязь на дороге хлюпала и кое-где вперемешку с талым снегом расплывалась обширными лужами. Лошади недовольно вскидывали ноги и то и дело пытались свернуть с расползающейся под копыта-

ми тропы. Особенно своенравничал Расенд, а уж остальные ерепенились ему под стать.

За день пришлось сделать пару привалов, когда старания удержаться на извивающемся ужом жеребце довели Драгомира почти до исступления. И зачем связался? Но под вечер бронзово-коричневый сосновый лес сменился светлым березняком, дорога вильнула, соединяясь с другой, идущей из Елоги. Среди деревьев показались торчащие из просевших сугробов домовины.

Осталось немного.

Как начало смеркаться, Лешко зажёг факел, в хвосте отряда запалили ещё один и так, в твёрдом молчании, под шуршание подмерзающего снега да тихий треск пламени, они доехали до деревни. Вспыхнуло последними отблесками заката небо и выкатило над лесом круглобокую молодую луну.

Невысокая, всего-то в шесть аршин, стена щерилась открытыми воротами. Древнеры успели отстроить и приземистые остроги по бокам. Неподалёку от них бродили часовые. Только завидев отряд, они спешно перекрыли дорогу, поднимая над головами факелы и пытливо вглядываясь в лица. Драгомир жестом приказал гридням остановиться. И лишь успел краем глаза заметить, как несколько мужчин закрыли ворота, будто за последними гостями.

– Чегой-то мы тебя, князь, не ждали сегодня, – вышел вперёд кряжистый, как почти все древнеры, мужик, на ходу пряча под шапку мышиного оттенка кудри. – Да ещё и на ночь

глядя.

Приглядевшись, Драгомир скоро узнал в нём сына Наяса – Маха. Вроде, и виделись не так давно, а лучше бы больше и не виделись вовсе.

– Да ты что, прыщ... – запальчиво пискнул рядом Лешко, который предводителя древнерского отряда, похоже, в темноте не разглядел.

– Цыц! – прервал его Драгомир. – Куда лезешь! – и снова повернулся к стражникам. – Сговорились мы с Наясом, что я в гости к нему наведуясь, Мах. Или отец не говорил?

Сын старосты прищурился, остальные тихо загомонили. От толпы отделились три человека и двинулись в деревню, молча и не оборачиваясь. Нехорошо. Вряд ли Наяс никого не предупредил. И такая прохладная встреча вовсе не предвещала блага. Словно не князя встречают, а врага.

– Княже... – предупреждающе пробасил позади один из гридней.

Драгомир и сам видел: лица древнеров не становились приветливее. Пожалуй даже окрысились ещё больше. Вдалеке уже показались новые тёмные фигуры. Все, как на подбор крепкие, уверенно шагающие. Драгомир, продолжая свысока оглядывать часовых, едва заметно сделал знак гридням обходить его с двух сторон. Парни поняли верно, тронули коней и мал-помалу выстроились полукругом, обхватив небольшую толпу и отсекая заходящих им в спины мужчин. Мах в это время обходил Драгомира, внимательно разгляды-

вая злобно зыркающего на него Расенда. Конь недовольно прижимал уши.

– Так что, до утра тут будем стоять да рядиться? Проводите меня к Няясу или я сам поеду, чай не заблужусь, – не выдержал Драгомир.

– Ты постой, княже, – усмехнулся старостов сын. – Я вот хожу вокруг и всё найти не могу...

– Чего?

– Совесть твою. Разве не твой воевода обещался отцу Брамира беречь? В чём мы перед тобой провинились, что он всё ж погиб поганой смертью? Знать, не под хвостом у твоего коня твоя совесть запрятана... Значит, нет её?

А людей вокруг становилось больше, они выходили, казалось, из каждой тени. Драгомир старался хранить спокойствие, хоть неосознанно уже набирал поводья Расенда, крепче сжимал коленями его бока.

– Да кто ты такой, чтобы я перед тобой ответ держал? – он чуть склонился в седле, пристальнее всматриваясь в лицо Маха. – Брамир погиб, как и многие другие отроки из дружины. Не на празднике мы гуляли, а воевали. Хватит голову мне морочить! К старосте веди!

– Я отведу... – ощерился тот и махнул сородичам. Те начали смыкаться плотным полукольцом.

Драгомир озирался, силясь угадать миг нападения. Грид-ни посматривала на него, ожидая приказа, хотя, случись оказия, бросятся его защищать сами. Такова уж их служба. То-

гда поляжет много деревенских. За просто так. Лишь потому, что решили поддержать Маха в его обиде. Нарастало в воздухе предчувствие беды, липкой паутиной оплетало всех вокруг. Под насупленными бровями мужиков холодной решимостью поблескивали глаза, а пальцы их уверенно и крепко сжимали оружие. Быть бойне, потому как неповиновения и открытого бунта Драгомир древнерам не простит.

Но вдруг хватка общего напряжения разжалась, уступив место недоумению и растерянности, что, словно порыв ветра, пронеслись среди деревенских. То один, то другой опускал руки и оглядывался, шёпот приливной волной разрастался кругом, но разобрать слова было невозможно.

Последним отступил Мах. Он не обернулся, ничего не сказал мужику, который, подойдя, что-то тихо сказал ему на ухо. Лишь понурился и вздохнул, одаривая Драгомира взглядом, в котором явственно читалось: повезло тебе.

Обойдя сына, вперёд вышел Наяс. С лёгкой укоризной поглядывая на деревенских, словно те всего-то задумали злую шалость, староста остановился напротив Драгомира. Древнеры совсем притихли, и слышно стало, как шелестит по подмёрзшей грязи позёмка.

– Говорил я тебе, Мах, что не надо за сына месть удумывать, – он и не повернул головы к отпрыску. – Никто в его смерти не виноват. Тебе о других детях теперь вдвое больше думать надо.

Мах опустил голову, смиряясь с волей отца. И здоровый

детина, а вон как перед стариком хвост прижал. Хоть к старшим уважения ещё не растерял – и то хорошо.

– Теперь меня каждый раз в Изломе так встречать будут? – убирая ладонь с рукояти меча, обратился к нему Драгомир.

– Прости, княже. Не знал я, что Мах глупость затеет, – скривил губы старик. – И что разумных людей в это втянет. – Он поправил накинутый на плечи поверх рубахи кожух и качнул головой вдоль улицы. – Не серчай. Пойдём, потолкуем, раз ты всё же приехал.

* * *

Драгомир не верил Наясу. Ни на грош. И сейчас, сидя в его доме, каждый миг ждал подвоха. Кто знает, какую гадость мог задумать этот несносный старик. Вон, братец его, Могута, уже однажды учудил. И Мах едва до резни не довел. Верно, это у них семейное.

Жена старосты, сердобольно улыбаясь, накормила Драгомира под грозным надзором мужа и Маха, который сел на лавку за спиной и не сводил с него взгляда. Знать, своеволие легко сойдёт ему с рук. Но вот Драгомир забывать не собирался.

– Так что ты хочешь от меня услышать? – нарушив напряжённое – едва искры не летят – молчание, проговорил Наяс. – Я сказал Хальвдану всё, что знал. А уж то, что ты слушать его не захотел... Вот и получилось так, что он ушёл.

– Знаешь уже... – хмыкнул Драгомир.

– А кто ж того не знает? Только совсем глухой или слепой, может.

– Я хочу, чтобы ты показал и мне тоже. То, что видел он. Своими глазами хочу посмотреть.

– Там не глазами смотреть нужно, – покачал головой староста. – Ты уверен, что сможешь?

– Хальвдан смог, а я что же?

Наяс с сомнением окинул его взглядом, будто хотел найти изъян, который помешал бы Драгомиру увидеть. Но, зная, ничего не нашёл. Снова помолчали. Староста что-то обдумывал, поглаживая бороду и время от времени вытирая слезящиеся глаза. И Драгомир осознал, наконец, насколько Наяс стар. А ведь погляди, до сих пор всю деревню в ежовых рукавицах держит. И его самого захотел – одолел бы. Сможет ли Драгомир в его лета сохранить ту же власть и уважение? Для начала дожить бы...

– Каждый видит то, что ему предначертано увидеть, – вздохнул Наяс. – Я не поведу тебя для этого на наше капище. Но есть одно место, где ты, возможно, сможешь узреть то, что тебе нужно. Понять, с каким врагом столкнулся.

– И где же оно? – Драгомир подался вперёд.

– Есть тут в дне пути на юго-запад заброшенная деревня, – старик опустил взгляд и медленно начал водить ладонью по столу. – Я ещё помню, как там жили люди. Жили сами по себе, ни с кем из соседей особо дружбы не водили. Скрыт-

ничали как будто. Да мы к ним и не лезли. Так, встречались изредка на ярмарке в Южном погосте. А потом на них напали вельды, — Наяс коротко взглянул на Драгомира. — Всех порубили, никого в живых не оставили. Уж что им там понадобилось — Макоши одной ведомо. А нас они не тронули. Как будто нарочно в Речную деревню и ходили. С тех пор место там считается нехорошим. Говорят, и нечисть там водится, людей пугает, если кто туда случайно забредёт. Болота там, клюква знатная растёт. Вот девки, бывает, и увлекутся, заберутся в чащу. Потом домой бегут, глаза, что плоски. А вот среди волхвов та деревня навроде места силы. Уж обычные люди много чего там увидеть могут. А волхвы и подавно. К тому же... с вельдами оно связано. А они, ведомо, твои главные враги.

— Уже не они...

Наяс приподнял брови.

— Как так?

— Пока не знаю... — Драгомир пожал плечами. — Но в твои слова мне кажутся справедливыми.

— Я могу проводить тебя туда. Сам я нечасто суюсь в Речную — не слишком мне там хорошо. Но я хочу узнать, князь, что ты скрываешь. Или что в тебе кроется... Когда-то древнеры много страдали от вельдов, я не хочу, чтобы это случилось снова.

— Считаешь меня угрозой, — Драгомир понимающе усмехнулся.

– Да, – без обиняков согласился Наяс.

Больше и сказать на это нечего.

Выехали рано утром, лишь только начало светать. Грид-ни хмуро зыркали на собравшихся проводить своего вождя древнеров. Ох, надолго, знать, поселилась обида в их сердцах за такой тёплый прием, который им здесь оказали. И раньше-то с древнерами особой любви не было, а теперь уж и подавно.

Мах отказался отпускать отца одного, а потому собрался с ним. Предчувствовал Драгомир, что не раз ещё придется с ним повздорить в дороге – слишком недобрым был взгляд Наясова наследника. Но теперь врасплох Маху его застать не удастся.

Дорога обещала быть нелёгкой и небыстрой: по случаю тепла все пути раскисли, что уж говорить о диких тропах, ведущих в забытые всеми Богами деревни.

Но, прежде чем отправиться в Речную, решено было все же заехать на Изломское капище. Хотел староста испросить совета Богов и их заступы. Ведомо, от тех тварей, что напали на Восточные сотни, и лягух, с которыми пришлось сражаться верегам, они не могли никого защитить, а потому Драгомир посчитал эту задержку бесполезной, хоть и необходимой. Пусть уж лучше Наяс сделает всё так, как считает нужным, может, ерепениться будет меньше.

На путь до капища пришлось убить добрые полдня. Драгомир и его ратники остановились на привал под сенью древ-

них, как утёс, на котором стояли идолы, сосен. Мах и староста отправились вверх по склону, туда, где бушевал ветер, облизывая камни-бойцы и лёд Нейры. Проведут свой обряд, а там и дальше идти можно.

Драгомир долго смотрел в просвет между деревьями, думая о том, что сможет увидеть в Речной деревне. И как это ему поможет. Мало смотреть, нелишним было бы понимать, что видишь. А пока что из своих снов и видений он мало что смог вынести полезного. Может, в этот раз будет по-другому?

Из-за косматых сосновых крон выползла необъятная рыхлая туча. Неотвратимо она двинулась по небу, словно ненасытное чудовище, поглотила солнце и устремилась на запад, таща за собой полосу густого мокрого снега. Все вокруг посерело и размылось, гридни плотнее завернулись в плащи, сетуя, что проклятый Наяс возится слишком уж долго.

Вдруг послышался издалека, нарастая, шум сражения, но, похоже, никого, кроме Драгомира, это не насторожило. Парни и не сдвинулись со своих мест. Он встал, вглядываясь туда, где скрылись староста с сыном. Потянуло дымом, и треск жадно пожирающего дерево пламени отчётливо донёсся до слуха.

Промчались во тьме напирющей ночи всадники, протрубил рог вдалеке, а капище загорелось. Пропадали в пламени древнерские идолы, расплачиваясь за то, что не смогли защитить свой народ.

Драгомир медленно поднялся на утёс, зажмурился от дыма, что вцепился в глаза тысячей злых ос. А всадники под незнакомыми стягами обгоняли его, вливались в бушующую там схватку и умирали под лапами чудищ, которых из тьмы призвал... Кто?

Драгомир посмотрел на свои руки, вокруг которых курилась мгла, прихотливо изгибалась то ли змеями, то ли щупальцами. Он чувствовал их силу. Силу каждой твари, что вышла из бездны, повинаясь его приказу. Чтобы защитить Хозяина... Или чтобы просто убивать? На большее они не способны.

Но воины, настолько смелые, насколько и безумные, сокрушали одно чудище за другим; всё больше становилось их на утёсе, который теперь показался слишком тесным для такой толпы. Не все из них были обычными ратниками. На некоторых лежала печать Богов, их не страшил мрак Забвения, не страшили когти его порождений. И свет, что наполнял этих воинов, жёг калёным железом искажённую душу Хозяина. Но они тоже погибнут, все до единого. И на много сотен лет о них забудут.

Он отступал, уворачиваясь и отбиваясь от нескольких противников сразу. Они теснили его к краю утёса, но не могли достать, как ни старались. Он забавлялся, зная, что всё равно победит. Даже если суждено умереть сегодня.

– Корибут! – донеслось издалека еле разборчиво.

Он прислушался к своему имени, которое звучало так

незнакомо и странно.

– Драгомир!

Земля под ногами качнулась, грохот камней о камни заполнил голову. Он упал на колени, цепляясь за осыпавшийся склон, но липкие комья оставались в ладонях, бессильные его удержать.

И когда он готов был уже рухнуть вслед за осколками утёса, что, словно живое чудище, вдруг решил сбросить его с себя, кто-то сильный схватил за локоть.

Драгомир отмахнулся от ладоней, которые нещадно хлестали его по щекам. Но пытка продолжалась, пока не выветрились из головы последние обрывки очередного видения. Он открыл глаза. Прямо перед ним мельтешила конопатая физиономия Лешко, а затем из глухой тишины прорвались и его слова:

– Княже! Что случилось?

Разве это имело какое-то значение? Никто из них не мог ему помочь. Никто не мог одолеть того, кто пожирает его изнутри, как червь. Остается только бороться самому, но делать это раз от раза всё тяжелей. Драгомир оттолкнул отрока, когда тот снова принялся было его трясти. Всыпать бы ему за непочтение.

Он огляделся. Вокруг собрались все гридни. Мах с Наясом тоже были тут. Показалось, Драгомир дошёл до капища, но нет. Так и остался на привале среди своих людей. Но, может, его уже притащили сюда?

– Не думал я, что так выйдет, – хмуро оглядывая Драгомира, проговорил Наяс. – Не поспей за тобой Лешко, так и сиганул бы ты вниз.

Вот, значит, как. Не привиделось, был он на утёсе. Драгомир протянул руку отроку и благодарно сжал его запястье. Тот лишь тревожно поморщился и недоверчиво покосился на старосту.

– Я ведь не должен был ничего увидеть, – Драгомир с трудом сел и откинул со лба волосы.

– А что ты видел? – Наяс прищурился, будто это вызывало у него всего лишь любопытство.

– Кажется то, как убивали древнеров. И капище горело. Староста переглянулся с сыном.

– Ты видел то, что случилось здесь много лет назад. Тогда погибли почти все наши люди. И мой пращур тоже. Он был сильным волхвом. Сейчас такие уже не рождаются.

– Что ты знаешь о Корибуте? – Драгомир кивнул gridню, когда тот подал ему мех с водой. В горле, правду сказать, как пыльная буря пронеслась.

– Не слышал никогда, – Наяс пожал плечами.

Всё это пахло ложью, как стерва – тухлятиной. Но Драгомир не стал расспрашивать – без толку. Будет упираться до конца.

– Скажи, Наяс. Почему вы с Хальвданом видели будущее, а я только прошлое? В нём нет ответов.

– Может, ты видишь прошлое, потому что у тебя будущее-

го нет? – ни единая морщина не дрогнула на лице старика. Как бы безжалостно ни прозвучали его слова. – Но ты не прав, что в прошлом нет ответов. Думаю, все ответы, что тебе нужны, как раз стоит искать в том, что давно минуло.

Дольше рассиживаться не стали. Драгомир заверил всех, что ничего страшного с ним не случилось и путь он может продолжать, как обычно. Не хватало ещё проторчать здесь до ночи. До сих пор с капища будто бы веяло дымом, и эхом метались призрачные крики среди сосен. И Драгомир не знал, насколько его ещё хватит, прежде чем он окончательно сойдёт с ума. Время уходило, и каждый миг промедления мог оказаться последним.

Подступившая было к самому порогу весна к ночи снова укрылась за ледяным покрывалом Лютеня. Небо прояснело, и мороз начал сжимать хватку. Алым загорелся закат, вспыхнули яростным пламенем, словно обрывки сухой бересты, облака над окоёмом. Снежная каша тут же схватилась коварным ледком, под которым спрятались лужи. Того и гляди кони ноги повредят – как тогда быть? Разве что сгинуть в этой гиблой глуши.

До Речной так и не доехали – решили заночевать недалеко от дороги. С некоторых пор Драгомир опасался упускать любые тропы из виду. А ну как пропадут. Хотя, если Лешему снова вздумается их водить, так хоть на самой дороге сядь, всё одно её не увидишь. Наяс и Мах долго противились, хотели уйти подальше в лес, мол, нехорошо останавливаться

так. Мало ли кто ночью здесь пройти вздумает – и на духов недобрых можно натолкнуться. Но под суровыми взглядами гридней они примолкли и смирились с волей большинства.

Ночка выдалась промозглой. Небо снова затянуло, и посыпал бесконечный мелкий снег. Сколько соснового лапника на землю ни бросай, а сырость всё одно проберётся до самых костей даже сквозь плотный войлок. Кажется, хорошо в этот раз было только дозорным, а не выпалились все одинаково. Поэтому ещё затемно повскакивали с мест и, спешно погрузившись на коней, двинулись дальше.

И скоро стало понятно, что впереди и правда их ждёт нехорошее место. Всё задышало вдруг болью и страданием. Даже на языке будто осел кисловатый вкус крови. Лес разом помрачнел. Казалось бы, только что вокруг был тёплый сосновник с редкими берёзами, а глянь – и уже тёмный, косматый ельник обступает со всех сторон. Словно не всегда он тут рос, а деревья по собственной воле пришли и встали мрачными стражами. И что заставило тех людей поселиться среди елей, которые, как любому местному известно, всегда считались злыми: и силы отнимут, и отравят душу? Неужто место поприветливее нельзя было выбрать?

Неподалёку стонал лёд Нейры, тут её русло становилось совсем широким, а течение ленивым. Обширное болото раскинулось во все стороны, и чем дальше, тем всё более зыбкой и неверной становилась тропа под копытами коней. Расенд, похоже, узнал здешние места. Он подрастерял обычный пыл

и шёл, то и дело прижимая уши.

Гридни ехали молча, только озирались постоянно, наученные походом из-за любого куста ждать напасти. Лешко подъехал ближе к Драгомиру, помолчал немного и почти прошептал:

– Не доверяю я старосте, княже.

Тот ответил, не поворачиваясь к нему:

– Я тоже не доверяю. Да и чем бы ему заслужить наше доверие...

– Думается мне, это он хотел тебя с утёса сбросить, – добавил отрок, чуть подумав. – Не зря они там что-то колдовали. И морок на тебя они, небось, навели!

– Ты многого не знаешь, Лешко, – покачал головой Драгомир. – Не спеши обвинять в чём-то других, если не уверен.

Он не собирался выгораживать Наяса. И неправдой было бы сказать, что та же мысль не посещала его самого. Больно уж всё совпало. Но по-настоящему веской причины Наясу убивать его, да ещё и таким хитрым способом, Драгомир найти не мог. Гораздо проще и надёжнее было всё же порешить в деревне. А спросит кто – не знаем, и в глаза не видели.

Драгомир посмотрел в спину Наяса, но почувствовал чужой взгляд. Мах подозрительно смотрел на него, будто в любой миг ждал какой выходки. Он точно заслужил быть хорошенько наказанным плетьюми, но сейчас не время портить с древнерами отношения ещё больше, чем они уже испорчены.

Никто, кажется, поначалу и не заметил, как между дере-

вьями появились первые дома. По самые окна они уже просели в землю. Ненасытная топь, чавкая и вздыхая, всё сильнее сжимала каждый из них в своих объятиях. Многие избы, видно, когда-то горели, но некоторые были целыми. Всё, что когда-то лежало тут на земле, давно сгнуло в недрах наступающего болота. Но по одной тропе ещё можно было пробраться насквозь через деревню. По большой нужде тут проезжали и древнеры, и люди из Лерги и Елоги.

Драгомир, не понукая впавшего в безразличие Расенда, ехал и ехал дальше, озираясь, пока не понял, что его никто не сопровождает. Остальные встали в стороне и просто ждали. Наяс пристально следил за ним, видимо, ожидая, что тот вдруг рухнет с коня в припадке. Но Драгомир покамест ничего не видел, кроме скелета умершего когда-то селения.

Но тут потянуло с юга чем-то. Будто бы сквозь затхлость нежилой комнаты просочилась свежая струя воздуха. Драгомир остановился у остатков сожжённой избы и спешил. Неспешно он подошёл, проваливаясь в мягкую землю по щиколотки, и коснулся ладонью чёрного от сажи бревна.

Чужая жизнь впиалась в голову яркой вспышкой.

– Уходи, Байчёта! Укройся в лесу и не возвращайся сюда больше!

Стройная темноволосая женщина подталкивала в спину девчушку лет десяти, а та упиралась и смотрела на неё полными слёз глазами. Её лицо, по молодости ещё лишённое извечной жесткости и упрямства, всё же было знакомым. Мать

с трудом отцепляла её пальцы от своей руки и оглядывалась, боясь, что не успеет спровадить дочь.

– Ведана! Быстро в дом! – приказала она девочке с такими же, как у Байчёты, чертами. Та испуганно и зло посмотрела на сестру и скрылась за дверью.

Вокруг развернулась суматоха, люди не знали, куда деваться, и бестолково метались, пытаясь приспособить под оружие всё, что попадётся под руки. Желание спастись боролось в них с более важным долгом. Им нужно остаться. Несмотря на то, что уже слышен стук копыт: приближаются вельды. Их вождь не должен узнать, кого они прячут, не должен забрать и уничтожить последнюю надежду на возрождение Воинов. Поэтому они умрут. Все.

Драгомир моргнул и отдёрнул руку от бревна. Он ещё видел тёмную вереницу детских следов, уходящих в лесную чащу, но она истаяла и пропала, как и всё остальное.

Нужно смотреть не глазами... Кажется, так сказал Наяс? И верно, до сей поры он был слеп. Он должен был понять, что их с Младой связал вовсе не случай, а прошлое. Оно не принадлежало ни ему, ни ей, они просто ничего не знали о том, что им уготовано.

Наяс подошёл со спины и встал рядом, как тень, отбрасываемая на стену.

– Ты готов?

Драгомир повернулся к нему.

– Что ты будешь делать?

– Не бойся, кровь тебе пускать не стану, – усмехнулся старик.

Даже если бы и так, вряд ли Корибут позволит ему умереть или хотя бы пострадать.

Гридни развели огонь. В неподвижном воздухе он разгорелся быстро и жарко. Наяс обошёл костёр, бормоча обращение к Богам, и сыпанул щедрую горсть трав в пламя. Все, кроме Драгомира, отошли подальше.

Он наблюдал за старостой, сидя на войлоке, и скоро его размеренные движения начали вгонять в сон. Драгомир боролся изо всех сил, пытался поднять отяжелевшие веки, но донеслось издалека: “Не сопротивляйся”, – и он расслабился, прикрыв глаза, слушая шаги Наяса и треск пламени.

И скоро он стал видеть огонь перед собой, беспокойный и ослепительный. Тот рассыпался на части, и оказалось, что это факелы горят на стенах знакомого подземелья. Оно ещё не было таким сырым и заплесневелым, но уже сейчас чувствовалось, что строили его не из добрых намерений. Доносились из глубины коридора голоса: мужской и женский. Драгомир, с трудом переставляя бесплотные ноги, подошёл ближе к одной из камер и заглянул внутрь. Женщина сидела к нему лицом, уставшая и обессиленная. Её сложенные на столе перед собой руки были связаны. Некогда роскошные волосы растрепались и неопрятными космами падали на плечи, а белую рубаху покрывали грязные разводы. Она говорила тихо и безразлично, словно повторяла одно и то же

уже в сотый раз. Женщина подняла голову, и Драгомир взгляделся в её лицо. Отдалённо оно напомнило ему материнское. Было что-то схожее в линии носа и разрезе глаз. Они, верно, могли бы сойти за дальних родственников.

Напротив женщины сидел уже знакомый мужчина в багряном корзне. Он не шевелился, точно каменное изваяние, и только по тому, как мерно приподнимаются и опускаются его плечи, можно было понять, что он дышит.

– Лучше скажи, куда увезли моих детей, Гаяна. Ничего хорошего из твоего упрямства не выйдет, – его голос звучал отстранённо, даже безразлично, будто то, о чём он спрашивал, было всего лишь рутинной необходимостью.

– Это и мои дети тоже, Корибут, и я никогда не позволю тебе испоганить их души.

Женщина твёрдо поджала губы и снова упёрла взгляд в стол.

– Рано или поздно я найду их. Мои отряды уже отправились по следам предателей. Но чем дольше их будут искать, тем тяжелее будет их участь. Ты можешь помочь им, если скажешь...

– Я ничего не скажу и надеюсь, что ты потратишь много жизней на поиски! – ненавидяще процедила пленница.

– У меня предостаточно времени, Гаяна, – Корибут встал и, заложив руки за спину, прошёлся по камере. – А вот у тебя его совсем нет. Если до утра ты не скажешь...

– Можешь не ждать до утра и казнить меня прямо сей-

час! – Гаяна скривила губы и плюнула ему под ноги. – Будь ты проклят!

Корибут хрипло усмехнулся и повернулся к Драгомиру. Несколько мгновений он смотрел на него, и в то же время будто бы мимо. В его тёмно-серых глазах отражалось пламя, но глубина их была пуста и бездонна, словно сам предвечный мрак поселился там. Драгомир поначалу не мог понять, что это ему напоминает, а затем догадался – камень в навершии посоха. Такой же чёрный и безжизненный, как, наверное, и само Забвение.

– Проклятиями ничего не исправишь, Гаяна, – произнёс Корибут после долгого молчания. – Я сам есть проклятие.

В его словах мелькнуло сожаление. Или почудилось. Ведь вряд ли этот человек был способен о чём-то сожалеть.

– Да, ты проклятие для Воинов, которых уничтожал одного за другим. И для всех людей, кто доверил тебе свои жизни. И потому ты заслужил сгинуть в своем же Забвении. В темноте и холоде, – Гаяна устало опустила голову на руки. – Хватит с меня. Больше я не скажу ни слова...

Они замерли, словно время остановилось. Драгомир долго разглядывал бесстрастное лицо Корибута, все ещё обращённое к нему. Они были похожи, издавека, наверное, и во все не отличить. Значит, связывало их кровное родство. Но почему же тогда он ничего и никогда не слышал о пращуре, который в своё время натворил столько страшных дел? Ведь такое не забывается... Если только не скрывать нарочно, не

пытаться всеми силами забыть, как величайший позор.

Драгомир вышел из камеры и отправился назад. Снова поднявшись по лестнице из темниц, он остановился и закрыл глаза, а открыв, оказался уже в лесу, на том же месте, где застал его сон.

Вокруг ничего не изменилось. Возможно, только начало темнеть – в такой хмари и не поймёшь. Наяс все так же был рядом – сидел напротив по другую сторону костра. Остальные устроились неподалёку и то и дело с ожиданием косились на них.

– Мне нужно в Новруч, – тихо проговорил Драгомир.

Однако Наяс его услышал. Он открыл глаза и посмотрел внимательно с легким сомнением: в себе ли?

– Что ты увидел?

– Увидел, что мы с Корибутом родичи. И что когда-то его детей и увезли от него, чтобы спрятать. Возможно, я с ними как-то связан. Надо расспросить отца.

Драгомир медленно встал, давая отойти затёкшим ногам. Сколько он так просидел?

Староста удовлетворённо улыбнулся и тоже медленно, с трудом поднялся. Мах кинулся было к нему, чтобы помочь, но тот остановил его жестом.

– Вот видишь, я же говорил, что все нужные тебе ответы – в прошлом.

– Говорил, говорил, – проворчал Драгомир и всё же подал ему руку. Старик без возражений оперся на неё.

– К тому же поблагодарить отца надо за помощь с дружиной, – назидательно, точно малому мальчишке, напомнил он.

– Посмотрим, что он мне скажет, а там разберусь с благодарностями.

Наяс осуждающе качнул головой, но от новых советов удержался.

Гридни засобирались в обратный путь. Никому не хотелось оставаться на ночь здесь. А вдруг и правда насчёт нечисти местные не врут? Как будто мало забот.

Но не успели ещё все погрузиться в сёдла, как в глубине деревни что-то протяжно и глубоко охнуло. Вздых этот разнёсся до самых видимых окраин леса, отдался нехорошей тяжестью внутри. Ближняя изба закрипела всеми остатками брёвен и начала стремительно проседать, а за ней остальные.

Словно огромная судорога пронеслась по земле. Конни встrepенулись и, беспокойно перебирая ногами, начали рвать поводья из рук. Драгомир опустил взгляд: его ноги мгновенно погрузились в топь по середину икр. Он схватился за луку и, одним рывком запрыгнул в седло Расенда. Тот, не раздумывая, припустил с места едва не в галоп. Копыта его опасно проваливались, но жеребец успевал выдёргивать их до того, как становилось поздно.

– Уходим! Скорей! – скомандовал Драгомир на ходу. Но все поняли, что надо уносить ноги, и без его приказов.

Могучие ели, потеряв опору, кренились и падали со всех сторон с жутким скрипом и почти человеческими стонами.

Летели брызги мёрзлой грязи, вздрагивала земля от грохота их многопудовых стволов. Избы тонули, как дырявые в решето лодки. Тропа пропала, и стало совершенно непонятно, в какую сторону ехать. Драгомир положился на чутьё Расенда и только знай подгонял его, хотя испуганному жеребцу того и не надо было. Он сам вихрем нёсся вперёд, и казалось, что копыта его уже не касаются земли.

Болото будто бы стало обширнее, оно колыхалось и жадно заглатывало всё, что было на его поверхности. Словно ненасытное чудовище. Позади орали, понукая лошадей, гридни. Драгомир не оборачивался, чтобы проверить, всем ли удалось спастись из пасти топи. Он просто вёл их за собой, а они надеялись на него.

Расенд мчался долго, как будто гнала его стая бесов, да и сам был похож на исчадь Пекла. В какой-то миг копыта его ударили по твёрдому подмёрзшему снегу. Плач погибающего леса и деревни остался далеко позади, исчезли смурные ели, и приветливые берёзы замелькали по обе стороны от вынырнувшей откуда ни возьмись дороги.

Скоро Драгомир позволил себе остановиться. Расенд неохотно сбавил шаг, словно хотел убраться из того места как можно дальше. Первым его догнал, как и всегда, Лешко. Лицо его, будто разом повзрослевшее за последние дни, было мрачным, но не испуганным.

– Не все выбрались, княже, – тихо проговорил он, останавливаясь рядом.

Драгомир обернулся, позади встали всего два гридня.

– Может, ещё нагонят. Подождём.

– Как прикажешь, – кивнул отрок.

Но больше никто не приехал, сколько поредевший отряд ни сидел у костра. И Мах с Наясом тоже куда-то запропастились – неужели сгинули в озверевшем болоте? А может, ушли в другую сторону... Эти места они знают гораздо лучше него.

На обратном пути решили заехать в Излом, но там оказалось, что староста с сыном ещё не возвращались. Часовые у ворот начали было расспросы, только Драгомир оборвал их.

– Мы разминулись в пути. Как Наяс доберётся до дома, пусть отправит мне весть. Дождаться его я не стану.

Стражники отступили, а дальше за стену Драгомир проезжать не стал. Кто их знает, этих древнеров – снова оказаться среди разъярённой толпы, это последнее, что ему сейчас было нужно.

Дорога до Кирията вышла совсем безрадостной. Гридни скорбели о пропавших соратниках, и оставалось только гадать, насколько страшная участь их постигла. Задохнуться в хватке болота – что ещё хуже? Драгомир не мог понять, что случилось, почему вдруг топь решила их всех уничтожить. Она наступала на деревню летами, медленно и тихо, а тут вдруг всколыхнулась, как огромная волна. Не окажись Расенд таким быстроногим, можно было и не выжить.

Ещё через два дня пути детинец встретил прибывших

нехорошей тишиной, будто недавно тут схоронили кого. Но, на счастье, оказалось, все живы. Не успел Драгомир при-сесть в своих покоях, как к нему наведалься Виген, косматый и злой. Виду он старался не подавать, но что-то сильно его тревожило.

– Отпусти из темницы Бажана, княже, – первое, что сказал он после скомканного приветствия.

– Что-то стряслось? – Драгомир растерянно оглядел стол, на котором посоха по-прежнему не было.

– А как же. Стряслось, – с неожиданной ехидностью подтвердил скрытник. – Я предупреждал, что верегі на месте не усидят спокойно? Вот так и случилось. Как ты уехал, устроили тут такую бучу – челядь до сих пор боится носы из своих углов высунуть.

– А при чём тут Бажан? – раздражённо возразил Драгомир. – Думаешь, он с ними в одиночку сладит?

– С ними – нет. А вот с кметями хоть как-то. Они тоже хороши. Те огонь запалили, а наши маслица подлили. Чуть стража не ввязалась. Я думал, полдетинца на камни разнесут.

Виген выдохся и замолк, сдвинув брови и дыша, точно разъярённый боров. Натерпелся, видно. А ведь всего-то чуть больше седмицы прошло. И правда, нельзя только лишь на нем детинец оставлять.

– Я отпущу его, – Драгомир кивнул. – К тому же мне снова надо уехать. Теперь надолго.

– Это куда ж? – ещё пуще посмурнел скрытник.

– В Новруч.

Виген непонимающе прищурился. Да нет резона ничего ему объяснять. Надо и надо – это ему знать достаточно. А вот с Бажаном стоило поговорить напоследок.

В темницы он не пошёл, приказал выпустить воеводу и привести в его светлицу вечером. Пусть отдохнет от сырости да хоть в баню сходит.

Бажан пришёл, как и было условлено. Долго он разглядывал Драгомира, словно хотел понять, что в нем изменилось. Не явился ли вместо него какой другой человек. Драгомир недолго сносил пытливое изучение и буркнул:

– Да я это, я.

Воевода слегка улыбнулся и подошёл ближе.

– Что тебе удалось узнать у Наяса?

– Мало что. Зато насмотрелся вдоволь.

Бажан наморщил лоб и провёл ладонью по бороде.

– И больше ничего?

– Мне и этого хватило, – Драгомир усмехнулся. – К тому ж древнеры устроили радушный прием. Мах всех науськал, а те и рады. За то, что сына его не уберёг. Будто я вызывался за руку его водить.

– И ты его не накажешь?

– Он, знать, уже получил своё наказание. Ездили мы в одну деревню... так вот болото там оказалось на редкость прожорливое. Сгинул Мах. И Наяс тоже. И гридни наши.

Бажан опустил взгляд в пол и немного поразмыслил над услышанным. Не слишком приятно, только выйдя из темницы, получить такие вести. Но, кажется, очередная гибель людей уже переставала ранить душу так, как поначалу. Они многих потеряли, и всё со временем притупляется.

– Что будешь делать? – проговорил воевода, не поднимая взгляда.

– В Новруч поеду, к отцу, – Драгомир вздохнул. – Кажется тот, кто зовется Корибутом, мой пращур. И мне очень любопытно, кому я обязан таким приятным родством.

Снова повисло молчание, будто между чужими людьми, которым нечего было сказать друг другу. Затаил обиду Бажан, и его можно было понять. Но Драгомир не чувствовал раскаяния – за любую выходку должна быть расплата. И воевода ещё легко отделался.

– В недобрый час ты решил уехать, – тот глянул с горечью.

– Если я не уеду, скоро станет хуже. Я не знаю, как долго продержусь, – Драгомир взял из чернильницы перо и покрутил его в пальцах. – Коли приведут Младу с Хальвданом...

– Не приведут, если сами не захотят прийти.

Драгомир бросил на Бажана угрожающий взгляд.

– Коли приведут Младу с Хальвданом, насчёт них мой приказ остается прежним. И верегов, если начнут бунтовать, больше не щадить. А кметям втолкуй, чтобы больше не поддавались гневу. Не хочу вернуться на развалины. Сегодня и завтра собираем обоз. Путь неблизкий. Через день я выез-

жаю.

Глава 4

Рогл пришёл в себя следующей ночью, когда в дозоре сидел Хальвдан. Все ждали, что из Кирията ловить беглецов может приехать и другой отряд. Но за день никого не появилось. Только из Беглицы, не иначе по поручению Медведя, пришли две женщины и принесли горячей похлёбки из недавно забитого по нужде бычка. Они с опаской косились на Зорена, а тот пытался придать своему разукрашенному лицу благостное и доброжелательное выражение. Не помогло – бабы забрали пустые миски и горшок да припустили к веси едва не бегом. А к вечеру вокруг стало так тихо, что слышно было, как тяжело и беспокойно дышит вельдчонок.

И лишь под утро раздался его испуганный крик. Всех подбросило на лежанках. Верег только тихо выругался и пробурчал:

– Эдак и поседеть можно в одночасье, – но поспешил к Роглу вместе со всеми.

Млада, на ходу выпутываясь из одеяла, подбежала к мальчишке и, схватив за плечи, прижала к себе, пытаясь успокоить. Он метался и вырывался изо всех своих скудных сил.

– Горячо! – снова, как тогда в лесу, просипел он и извернулся, словно ломала его нестерпимая боль, в бездумной попытке отстраниться.

– Пусти его, – вмешался Зорен. – Видишь, горит он, когда

ты к нему прикасаешься.

Млада посмотрела на него ненавидяще, но Рогла отпустила, позволяя Ведане склониться над ним. Может, лучше помочь сумеет.

– Чего это вдруг горит? – недовольно проговорила она, выпрямляясь. – Я ничего плохого ему не делаю.

– Корибут его тёмной силой Забвения наделил, – внимательно оглядывая сына, пояснил жрец. – А у тебя светлая сила Богов. Пусть и не проявленная. Вот и плохо ему от этого. Теперь я понимаю, зачем он Хозяину был нужен. Он просто подготовил мне замену. Я предал его, а без сильного жреца Корибуту не обойтись.

– Разве у Рогла есть какие-то способности? – Ведана отняла ладонь от лба вельдчонка и подняла глаза.

Млада припомнила и Юрско, которого Рогл едва не убил одним прикосновением, и Драгомира. Ему и вовсе стало худо лишь от приближения мальчишки. Значит, Корибут раньше об этом знал, но, видно, Рогл выскользнул из-под его надзора на время, а как случилась оказия, он отравил его Забвением. Чтобы уж точно никуда больше не делся. Скверно выходит: только угрозы, от Зорена исходящей, миновать удалось, а теперь от Рогла не знаешь, чего ждать.

– Есть, – кивнул Зорен, помолчав. – Тот ритуал, во время которого Рогл сбежал... Его приказал мне провести Корибут. Тогда я ещё не знал, зачем. А теперь понимаю. Но он не был закончен.

– А теперь, значит, всё свершилось? – Млада раздражённо поднялась на ноги и отряхнула колени. – Хоть лей слёзы, хоть не лей. Хоть захлебнись ты, Зорен, в своих оправданиях, а ничего не изменится.

Хальвдан успокаивающе положил ладонь ей на плечо, но она сбросила её.

– Угомонись, Млада, – подкрепил верег свой жест словами. – От того, что мы тут поругаемся в очередной раз, никому легче не станет!

– Ты бы вот, воевода, не лез лучше! – она резко обернулась и махнула на него рукой. – Несёшь посох, вот и неси себе. На большее всё равно не сгодишься.

– А ты, значит, особенная? – сурово прищурился Хальвдан. – Воин Забвения... Избавительница. Знать бы ещё, к какому месту тебя приложить, чтобы толк был.

– Тихо! – яростно шепнула Ведана, прерывая зарождающуюся склоку. – Он очнулся.

Рогл и правда открыл глаза и вяло огляделся, плохо понимая, где находится. Страшно стало на миг, что разум уже покинул его, что завладел им Корибут безраздельно. Чуть дольше вельдчонок задержался взглядом на пламени костра, всмотрелся в него, будто увидел что-то, но потом мотнул головой.

– Я убил их, – пробормотал он едва разборчиво. – Всех их. Как же так?

Он отрешённо посмотрел на Младу, а потом перевёл

взгляд на Зорена. Тот болезненно поморщился.

– Ты сможешь когда-нибудь меня простить?

Вельдчонок свёл брови, и по его лицу пронеслась гримаса отвращения.

– Жаль, не добрался до тебя тогда... – только и ответил он.

Знать, нет большего удара для отца, чем сожаление сына о том, что убить его не сумел. А ведь когда-то казались слова вельдчонка о ненависти к своему роду едва не ложью последней. Уж настолько неправдоподобно звучали. Не врал он, выходит – всё было видно теперь по его глазам и по тому, как поник Зорен.

– Как такое случилось? – не раздумывая, перешёл к делу Хальвдан. Ему-то до семейных распрей вовсе дела нет. – О каких ещё чудищах говорил Ждан? Кого ты призвать умудрился?

– Дай ему хоть в себя прийти, воевода! – вступилась Ведана.

– Я не стану дожидаться, когда нас во сне тоже кто-нибудь сожрёт! – ехидно осклабился верег.

– Я в порядке, – Рогл взял Ведану за руку и слабо улыбнулся, а потом попытался сесть. Млада и хотела бы ему помочь, но прикоснуться на всякий случай не стала.

Хальвдан помолчал, пока вельдчонок устраивался удобнее, а затем повторил вопрос:

– Ну так рассказывай, что стряслось в тот день. Получается, правду люди судачат, что твоя вина в том, что полдерев-

ни погибло.

– Правду, – горестно склонив голову, прошептал мальчишка. – Я плохо помню, как убегал оттуда. Но зато хорошо помню, что видел, пока был без чувств.

– Вот как... – дёрнул бровью воевода.

– Я видел место, которое не представить даже в страшном сне. Но я был там. Там горит земля, но там темно и холодно. И нет ничего живого. Кроме тех тварей. Я видел высокий камень, выше человека. Он черный и ледяной, но внутри него что-то светилось и мерцало, будто сердце бьется.

– Корибут, – глухо проговорил Зорен. – Ты был в Забвении.

Рогл только хмуро посмотрел на него, не понимая, о чем тот говорит. Он-то о Корибуге пока ничего не слышал. На радость, на беду ли.

– Что ты ещё видел? – Млада присела рядом с мальчишкой и заглянула ему в лицо.

– Тот мир похож на наш, но как будто там всегда ночь и ничего не шевелится. Деревья без листьев и иголок, вода в реке не течёт. И замок. Княжеский замок я видел тоже. Только он там другой. Огромный. И вокруг него ничего нет. Нет Кирията, – Рогл помолчал. – Хозяин звал меня и обещал, что я стану великим. Странно. Почему я? Мне стало так страшно. Я хотел сбежать, но те чудища шли за мной, как на привязи. Не нападали, но и не отставали. Я увидел проход – полоску света как будто. И прыгнул туда. А они пошли за

мною... Я их вывел. Я виноват.

– Виноват Корибут, – вздохнула Ведана.

– Кто он? – вельдчонок обвёл всех взглядом, ожидая, что хоть кто-нибудь ему объяснит. – И вообще. Как вы тут оказались? Ты и отец.

– Они теперь как бы друзья нам, – зло усмехнулся Хальвдан. – А остальное тебе Зорен расскажет. И расскажет ещё, почему ты теперь в угоду Хозяину вытаскиваешь из Забвения его слуг.

– Я не хотел.

– Мы знаем, что ты не хотел, – Млада осторожно погладила Рогла по спине.

Все замолчали. Ведана ещё раз осмотрела вельдчонка, тихо сетуя, что при ней нет её трав. Зорен задрал голову к светлеющему в преддверии рассвета небу.

– Уходить надо, – вздохнул он. – В дороге всё расскажу, если Рогл знать захочет. И постараюсь научить, как свою силу в узде держать, чтобы те твари не выходили из Забвения, когда захочется только Корибуту самому.

– А так можно? – недоверчиво покосился на него мальчишка.

– Отчего же нельзя. Ты же до сих пор не знал, что я тоже тех тварей призывал.

– Вот и славно, – Хальвдан поднялся на ноги и принялся сворачивать свою лежанку. – Не будем медлить. Путь впереди неблизкий, и лучше бы нам убраться поскорее с тех мест,

где Корибут больше власти имеет.

– А ты многое понимаешь, воевода, – жрец уважительно на него глянул. – И правда, если мы подальше уйдём, сила Корибута, который к здешним местам привязан, ослабеет. Но вот с нами его посох, так что не стоит ждать большого облегчения. Разве что на время.

– На время? – Хальвдан хмыкнул. – Вот и не будем его терять.

Все споро собрались в путь, погрузили свой скудный скарб на коней и выехали по лесной тропе. На большак решились покамест не соваться, если уж там рыщет второй княжеский отряд. У них не Медведь во главе. Они разговаривать не станут, скрутят да в Кирият спровадят, а там кто знает, с какой силой ударит беглецов гнев правителя. Можно и правда на плаху загрометь.

Рогл будто и не валялся два дня в забытии: на лошадке, которую ему загодя любезно привёл из деревни Медведь, держался твёрдо, да и следов недуга никаких не выказывал. И не хотелось думать, что подпитывает его Забвение и тёмная сила Корибута. Хотя Млада и понимала, чувствовала даже, что так оно и есть. Иначе как бы он выжил в лесу в одних портах посередь зимы? А вот Зорен после темниц так толком и не очухался. Ссадины и синяки его заживали плохо, вялость не проходила, да и с каждым днём он будто бы терял по капле молодость, которую Хозяин Забвения даровал ему на долгие лета. Натешился, стало быть – хватит. Ведана всё беспокой-

нее посматривала украдкой на него, но ничего не говорила, не справлялась о его здоровье – да и чего справляться? – на лице всё написано яснее некуда.

Вот она, значит, какая... Мечь Корибута. Воспротивился слуга, в открытую супротив владыки пошёл – и тут же лишился милости. Сколько ещё протянет? Лишь Макошь, пряжа судеб, ведает. Да и то... Ведает ли? Знать, не слишком Боги власть над Забвением имеют, раз когда-то им людская помощь нужна была. А может, просто мараться не хотели.

Ведана ехала рядом с Младой и одной рукой задумчиво теребила обереги на шее. Их там была целая связка. Некоторых за всю жизнь видеть ещё не приходилось. Какие-то были вырезаны из дерева, другие – отлиты из стали. Думается, к местным Богам замысловатые знаки не относились. Скорее, это Зорен пытался защитить зазнобу от влияния Забвения. Пальцами она не глядя нащупала один и сняла решительно, только едва вздохнув. Всё же боялась, видимо, остаться без защиты. Подогнав коня, Ведана подъехала к Роглу и протянула оберег ему.

– Вот, надень, – проговорила тихо. – Может, защитит.

– Ведана, – с укором бросил ей в спину жрец. – Это опасно.

Но та и ухом не повела. Рогл вопросительно оглядел её лицо, принял оберег и, надев на шею, спрятал под рубахой. Ему-то сейчас страшней.

– Спасибо, – кивнул он. – А ты как же?

– Ничего, справлюсь, – Ведана осторожно улыбнулась. – Я же обычный человек. Корибуту без надобности. Вон, Хальвдан и посох его несёт, ничего ему не делается.

Верег только усмехнулся:

– Меня Праотец хранит.

Млада искоса глянула на него. Хорошо бы северные Боги хранили его и дальше. Правду сказать, если и с Хальвданом приключится какая напасть, всем им придётся и вовсе несладко. Эта мысль с некоторых пор Младе не нравилась, хоть дружбы с воеводой она до сего дня не водила. Видно, слова Зорена о том, что Корибут рано или поздно доберётся и до неё, накрепко засели в голове. И знать бы, когда это случится. Может, через несколько лун, а может, и завтра. Недаром рубцы от стрел болели каждую ночь, словно Хозяин Забвения напоминал: вот он я, рядом. Захочу, и станешь мне слугой не хуже Зорена. Вот только почему-то всё медлил.

К вечеру по раскисшей тропе, что петляла по лесу, разветвлялась на множество других, ведущих в веси Рысей, они не преодолели много вёрст. Знать, давно здесь не появлялось саней или путников, что могли бы её притоптать. Не та погода, чтобы шататься топкими, точно весной, тропами. Настоящая распутица. А потому ехать было трудно. Хальвдан уже загодя распорядился искать место для ночлега, но подходящего всё никак не попадалось. То болото расплывётся, то чаще такая лютая обступит, что между деревьями впору боком

протискиваться. Не везло. Все жалели о большаке. Кабы не княжеская погоня, так и можно было бы в какой деревне на постоялом дворе остановиться, как честным путникам, а не скрываться в глухомани. Серебра в карманах было предостаточно – Хальвдан позаботился, одно что бежать из Кирията пришлось.

Но тут уж ничего не попишешь.

Так и плелись они в наступающих сумерках под светом одного-единственного факела, измученные дорогой и озябшие от промозглого ветра. Лохмотья облаков тащились по небу прикрывая взор мертвого ока луны. Вокруг было тихо и пусто – а как ещё в лесной чаще да ночью? На волков не наскочить бы. Млада вскинула голову, когда ей почудилось, что впереди промелькнула тень. Остальные и не шевельнулись, понуро покачиваясь на своих лошадях. Она придержала поводья и вгляделась в темноту перед собой, прислушалась. Вроде, никого... Теперь тень проскользнула сбоку. Тут уж встрепнулся и Хальвдан, подозрительно обернулся и встретился с Младой взглядом. Их обступали со всех сторон. Медленно и осторожно. Умело. Не будь среди путников двух воинов, так до сих пор никто ничего и не заметил бы.

Зажглись первые факелы, и тут же на тропу вышли из тени два всадника – знать, главари. По виду, мужики, как мужики – встретишь в каком городе, взгляд не остановится – только в глазах светится недобрый огонёк. Сразу уразуметь можно: тати изрядные. Непонятно только, чего на забытой тропе де-

лают – такие обычно на большаке промышляют. Там и обозы купеческие, и путники разного рода, с которых поживиться можно. А тут лишь деревенские проезжают иногда – чего с них взять? Телегу да лошадёнку какую-никакую?

Значит, их нарочно ждали. Интересно.

За наибольшими подтянулись ещё два всадника. В кустах притаились стрельцы – луки на изготовку – не слишком много, но, коли глупить начнёшь, быстро продырявят.

Мужики внимательно оглядели всех по очереди. А дольше всего – Хальвдана. Вот уж по кому сразу видно, что в кошеле у него ветер не гуляет. За один его плащ можно десяток коз выменять. Он скрываться и не думал – даже пояса воеводского перед дорогой не снял. А уж держался так, одно что не князь. Иногда людям лучше видеть, кто перед ними. Но нынче не к месту это.

Младу тоже оглядели с любопытством – она только и успела прикрыть Призрак краем плаща. Нечего судьбу лишний раз испытывать – ещё неизвестно, как разговор с татями обернётся. А то, что разговор будет, сомневаться не приходилось, иначе их тут уже перестреляли бы втихую.

– Куда следуют добрые путники? – широко улыбнувшись, привычно проговорил один из главарей, чернобровый и молодой. С виду даже пригожий.

– А твоё-то какое собачье дело? – не слишком-то любезничая, отозвался Хальвдан.

Остальные тревожно заёрзали в сёдлах. Сразу с разбой-

никами на грубость нарываться – это дело нехорошее. Хотя тут и так всё понятно, чего расшаркиваться?

– Вот так вот, боярин. Сразу – и собачье? – проявив недюжинную наблюдательность, хмыкнул мужик. Второй поамест помалкивал. Только к Младе приглядывался всё пристальнее.

– А только собаки дикие да безродные вдоль дорог ночью шастают в поисках добычи.

– Ты бы, Хальвдан, хорошую животину не порочил почему зря, – ввязался в разговор Зорен.

Тот согласно улыбнулся. Нехорошо так, задиристо, точно уверенный в своих силах мальчишка перед дракой. Жрец подъехал к нему ближе, наклонился вбок и что-то тихо сказал. Надо же, и ему тоже нейдет. Верег недоверчиво покачал головой. Они обменялись взглядами, и, видно, что-то увидел в глазах вельда Хальвдан – на его лице отразилось молчаливое согласие.

– Хальвдан, говоришь? Уж не ослышался ли я? Сам воевода княжеский, стало быть, к нам пожаловал... Не будем долго рядиться, боярин, – снова завел свою татюю песню чернявый главарь. И, ты погляди, гладко так говорит, мягко, словно с детьми неразумными. – Отдавайте подобру-поздорову что ценного есть. И все целы останутся.

– С чего ж ты взял, что у нас есть что ценного? – возразил верег, разведя руками. – Беглые мы. Добра с собой никакого не везём.

– Ой ли, – прищурился разбойник и знак своим людям сделал, навроде как приготовиться приказал. – Не поверю я, что такой, как ты, сбежит с голым задом. Уж кошель с серебром не забыл с собой прихватить. А то и золотишко у тебя водится. У девицы твоей вон и меч какой знатный.

Он кивнул на Младу. Вот же, не удалось вовремя спрятать. Намётан глаз у главарей, сразу, что нужно да выгодно, подмечают.

– Так подойди и забрать попробуй, – хмыкнула она, словно запальчивость воеводы и жреца передалась ей тоже.

– Зачем? Люди пострадают. Надо оно тебе? – пожал плечами чернявый.

Да только в его заботу не слишком-то верилось. Думается, они всё равно пострадают – недаром лиц из татей никто не прикрыл. Значит, узnanными после быть не боятся.

Хальвдан обернулся, поймал взгляд Млады и едва заметно кивнул. Уж что они с Зореном задумали, а быть утыканной стрелами, словно вышивальная подушка – иголками, ей не хотелось. Вereg быстрым движением выхватил из-за пояса нож и метнул в главаря. Тот его движение разгадал и успел прыгнуть в сторону. Из кустов на дорогу тут же выскочили ещё с полдюжины человек, а лучники выстрелили.

Но ни одна стрела в цель не попала. Зорен вскинул руки. Всколыхнулась по сторонам тёмная, словно дёготь, пелена. Тугой завесой повисла от самых сосновых крон и сомкнулась над головами опешивших татей.

Жрец проговорил что-то утробно и зловеще, сомкнул руки перед собой. Померк свет факелов, словно их накрыло серым маревом. Но в следующий миг они полыхнули от рукоятей до верхушек. Разбойники вскрикнули, как один, и повыронили их наземь, встряхивая обожжёнными ладонями. Лишь остался один в руке Рогла, который на месте и пошевелиться боялся. Пелена медленно обращалась чёрным туманом. И точь-в-точь походил он на тот, что напугал людей в праздник Индра.

Удушливым дурманом окружил он мужиков ещё до того, как те успели прийти в себя от первого испуга. Один за другим разбойники, как подрубленные, падали на снег, не то мёртвые, не то уснувшие – в темноте не видать. А главари лишь озирались недоуменно, лишаясь своей ватаги.

И они рухнули бы с коней, но тут Зорен обмяк, начал крениться в сторону и кулём повалился на землю.

Те разбойники, что остались в себе, больше раздумывать не стали – бросились вперёд. Млада и Хальвдан выхватили оружие. Рогл только достал нож – не успел луком разжиться.

Ведана спешила и опрометью кинулась к Зорену. Подхватила его за плечи, будто стремясь защитить ото всех. Главари напали на воеводу, двоим другим преградила путь Млада, оттесняя назад Рогла и закрывая сестру с жрецом. Их-то порубить проще некуда.

Ненадолго хватило дурмана Зорена. Трое татей уже поднимались с земли. Едва отдышавшись, под шумок они через

кусты решили зайти с тыла. Очнулись и лучники. Несколько стрел мелькнуло в воздухе, но на счастье – мимо. Мешали им остатки колдовской завесы.

Млада отбилась от одного всадника, вынула скрамасакс и другой рукой достала подоспевшего второго. Он и понять-то ничего не успел, когда узкий клинок воткнулся ему в шею. Мимо понизу проскочил пеший разбойник.

Млада высвободила ноги из стремян и обрушилась на него сверху. Схватила за подбородок и рассекла горло.

Попыталась поймать за штанину ещё одного, но пришлось уворачиваться от стрел. Сразу несколько возились в снег рядом с её ногами. Нет уж, утыкать себя снова она не позволит.

Млада метнулась нож в стрельца, и тот опрокинулся на спину. Она вскочила и кинулась за убегающим татем. Тот уже приближался к Ведане и Зорену, который только-только пришёл в себя. Они не видели кругом ничего и не слышали за звоном оружия да громкой бранью.

Всего пара шагов осталась – руку протяни, но кто-то крепко рванул Младу за плечо. Она развернулась и лишь успела увидеть перед собой лицо, скрытое повязкой. Да и глаза показались знакомыми. Крепкая пятерня запечатала ей нос и рот, в лёгкие забила удушливая пыль. Невольно Млада хватанула воздух и задохнулась ещё больше.

Пепел Колтах. Коварное зелье.

Пальцы ослабели. Рукоять Призрака начала выскальзывать из ладони, а ноги вдруг будто бы увязли в снегу по коле-

но. Внутри заворочалась дурнота, растеклась по телу невыносимой, тяготящей слабостью. Млада рухнула в чьи-то руки, её подхватили и через пару мгновений перекинули через седло. Она и хотела бы воспротивиться, но не могла пошевелить и мизинцем. Дышала и ладно. Колючая пыль щекотала нутро и охватывала немощью всё больше.

– Млада! – из далёкой дали прилетел чей-то окрик.

Лошадь ударила копытами и помчалась неведомо куда – содрогнулось всё тело, ломота отдалась в рёбра. Лишь уверенная твёрдая рука удерживала Младу от падения. Всадник перемахнул, видно, через лужу на дороге, стиснул её кожух в пальцах сильнее. Млада попыталась открыть глаза, но не смогла и окончательно провалилась в забытие.

* * *

Где-то возилась мышь, и по полу тянуло сыростью. Слабый свет пробивался сквозь веки.

Млада глубоко вдохнула и попыталась открыть глаза, ещё не понимая, где находится. Обрывки воспоминаний закрутились в голове, вызывая тошноту. Посыпались, как удары. Разбойники... много. Драка и тень, скользнувшая за спиной.

Грюмнёрэ. Палач. Тогда почему она до сих пор жива?

Млада всё же открыла глаза и осмотрелась, стараясь раньше времени не шевелиться. Она полулежала на земляном полу. Руки её были подняты над головой и привязаны, кажется

к какому-то ржавому кольцу. Стылые стены, вонючая кадка в углу, пара тусклых лучин на изъеденном древоточцами столе. Млада была без кожуха, который обнаружился брошенным в стороне, там же, где дорожный мешок и пояс с ножнами.

Тихо и холодно. Как и в любом погребѣ.

Он сидѣл неподалѣку, держал на коленях Призрак и разглядывал его. Внимательно, но видно, уже не первый раз. Лицо открыто: да и к чему прятать? Всѣ равно она знала, кто он. Видела, как поблѣскивают от света лучин глаза с золотыми искрами, как в задумчивости поджаты губы, перечѣркнутые шрамом.

– Здравствуй, Наставник, – прохрипела Млада и прокашлялась. Горло драло так, будто она ледяной воды напилась.

Он повернулся, упѣрся взглядом, как клинком под рѣбра, и неспешно отложил меч. Встал и подошѣл. Движения его, плавные, но выверенные и чѣткие, как всегда, делали его похожим на чѣрную змею. Безжалостную и смертельную.

– Здравствуй, Млада.

От знакомого, но, казалось, уже позабытого голоса по спине пронеслась холодная дрожь. Млада попыталась сесть удобнее, но связанные над головой руки мешали. По ладоням забегали сотни иголок, и верѣвка больно врезалась в запястья. Наставник присел перед ней на корточки, стянул с рук перчатки и отбросил в сторону. Тягуче осмотрел Младу, сжал пальцы на своём колѣне. Его молчание тянуло жилы

хуже любой пытки. И что самое паршивое, она чувствовала, что её снова влечёт к нему, как и две зимы назад. Невыносимо, мучительно и болезненно. Стоило только его увидеть.

– Почему не убил сразу? – проговорила она, боясь, что оглохнет от тишины. – Ведь ты же Палач? Сошло бы за случайность при схватке с бандитами. Или ты сюда меня притащил для того, чтобы по душам поговорить напоследок?

Он усмехнулся – редко доводилось видеть его улыбку, пусть и такую холодную, короткую. Млада сжала зубы и ещё раз извернулась, пытаясь найти положение, в котором на руки не так давила бы верёвка. Умереть бы. Прямо сейчас – это лучше, чем видеть очередной призрак прошлого. Да ещё и тот, который только одним взглядом будто режет по живому.

И сразу всплывают в памяти долгие лета вместе. И короткие ночи.

– Ты угадала. Я хочу поговорить. Но развязывать пока не стану. Уж прости. Слишком долго тебя не видел.

– С каких пор ты завёл привычку просить прощения? Разве ты знаешь, что такое чувство вины?

– Перестань, Млада, – Наставник раздражённо встал. – Я ждал тебя в этом холодном городе слишком долго для того, чтобы с первых слов поругаться.

– Или убить.

Он отвернулся и сплюнул на пол.

– Ты так же невыносима, как и всегда!

– Некоторые терпят.

Наставник неопределённо повёл плечом, расстегнул плащ и бросил его на стул, который находился в таком же плачевном состоянии, что и стол. Свет ясно обрисовал фигуру арияш, гибкую и подтянутую. Он размял пальцы, будто бы решался на что-то, а затем заговорил снова:

– Я хочу, чтобы ты ушла со мной. Мы можем сбежать, укрыться от Гильдии... Лучше идти на восток.

Млада плохо расслышала последние слова – так сильно зашумела кровь в ушах. Она сверлила взглядом его спину, ожидая, что он повернётся. Хотела по глазам понять, что он действительно этого желает. Что его предложение – не только отзвук проведённых вместе лет, не тень жалости и привычки. Хотя этот человек, как и она, был научен никого не жалеть и ни к кому не привязываться. Возможно ли другое?

Но Наставник всё так же медленно и глубоко дышал, прислушивался, но не шевелился.

Млада пыталась обдумать его слова, отыскать в себе хоть отблеск радости. Ведь она так этого хотела. Когда-то... Уйти, и чтобы лишь он был рядом. Она даже хотела отказаться от мести, так сильно Наставник был ей нужен.

Тренькнула, обрываясь, какая-то внутренняя, истончённая временем струна, и стало легко. Безразлично. Млада ухватила пальцами за натянутую её весом верёвку, подтянулась и всё-таки села. Вмятины на запястьях тут же заныли.

– Ты бы хоть имя мне своё сказал... – тихо произнесла она.

Наставник обернулся. Снова подошёл и присел рядом прямо на землю.

– Ставр. Меня зовут Ставр, – он подхватил ладонью её перекинутую через плечо косу и проследил, как та медленно соскользнула. – Я скучал по тебе, бенхим киз².

Млада смолчала, наблюдая за ним. Ставр одной рукой ловко распустил ворот её рубахи, распахнул, провёл ладонью по животу и груди вверх, коснулся большим пальцем губ. Едва заметно улыбнулся. Но не тепло, а отстранённо, будто своим далёким мыслям. Воспоминаниям о тех временах, когда кроме друг друга у них никого не было. И Млада поняла, что он до сих пор видит в ней ту девчонку, которая беззаветно и молчаливо его любила. Которая с радостью и страстью отдалась в его руки, когда он не смог больше сдерживать своё желание.

Но всё давно поменялось. Он отправил её к Песчаному Ворону, не захотел сбересть то, что зародилось между ними. Так ему было удобнее. Сейчас Млада, ослеплённая поначалу неожиданностью встречи, переставала видеть в нём того Наставника, который восхищал её и пугал одновременно. Которого она желала, как единственного достойного мужчину на свете. Остался только Грюмнёрэ, такой же чужой и незнакомый, как и остальные.

Ставр наклонился и поцеловал Младу. Она ответила, пытаясь найти в глубине памяти хоть какие-то обрывки былых

---

² Бенхим киз (арив.) – моя девочка.

чувств. Его губы, всё такие же мягкие и чуть горькие, пахли ариванским табаком. Запах, который раньше будоражил, теперь вызывал только отвращение. И было зябко, словно не живой человек обнимает её, а склизкая змея оплетает гибким телом всё крепче. Одно усилие – и выдавит всю жизнь до капли. Он нарочито неспешно развязывал гашник Млады, но его рука подрагивала от сдерживаемого нетерпения.

– Так, связанную, и возьмёшь? – глухо проговорила Млада, когда Ставр спустился губами по её шее.

Он отстранился и прищурился, напомнив ей о глазах другого цвета, что щурились очень похоже. Но в тех глазах даже в моменты ссор никогда не было такого недоверия и холода. Он не развяжет... И убьёт, как только появится повод.

– Так что ты скажешь? – Ставр выпрямился. – Готова уйти со мной? Ведь ты же этого когда-то хотела. Хотела всё бросить. Мы уедем в Хилтар или дальше на восток. Там нет крупных городов, но мы найдём место, чтобы переждать. Рано или поздно о нас забудут.

– Они ничего не забывают, – хмыкнула Млада.

Странно было слышать от Наставника столь наивные слова. Что с ним такое?

– В конце концов, можно откупиться.

– Деньгами, которые ты получил за моё убийство? – Млада взбрыкнула ногой, сбрасывая ладонь Ставра, которой он медленно водил по её бедру.

– Это моя работа, ты же знаешь, – его взгляд вконец оже-

сточился. – К чему эти разговоры? Или ты перестала быть арияш? Грюмнёрэ? В чём ты пытаешься меня упрекнуть? Думаешь, я должен был пойти против распоряжения урхаса и смотреть, как ты исчезаешь вдали? А деньги я взял для нашего же блага!

– Я ничего не думаю. Я хочу, чтобы ты оставил меня в покое.

Рука Ставра, которая уже снова легла ей на колено, стала вдруг ледяной.

– Так это твой ответ?

– Да, – зло выплюнула Млада. – Я никуда с тобой не поеду. Закончи дело и проваливай. Проваливай, пожри тебя Пекло! Думал, через две с лишним зимы явишься, потискаешь меня за грудь, и я всё прощу? Всё забуду? Как ты наплевал на всё и просто исчез. Только оставил мне карту с отметкой, где живёт Мастер. Отправил меня к нему, хоть прекрасно знал, что он сломает меня, уничтожит. Уничтожит, сукин ты сын! Так вот получай Младу, которую сделал из меня Ворон. Ты мне безразличен, как навозная куча под забором, Наставник. Или как там тебя?... Ставр.

В горле захрипело, и Млада замолчала. И так сказала слишком много. Ставр, пока она говорила, всё так же сидел рядом, будто врос в землю. Только взгляд беспрестанно метался по её лицу. А его ничего не выражало, как застывшая маска. Наконец он вдохнул и приблизился, оперевшись одной рукой в пол.

– Вижу, ты действительно изменилась. Но тебя бесит, что ты стала такой же, как я. Только побывав у Ворона, ты поняла меня, и это тебе не понравилось. Но придётся смириться, моя девочка. Прежней ты не станешь.

– Прежней... – осклабилась Млада. – А ты знал, какой я была? Хотел знать? Тебя интересовало только, насколько незаметной, выносливой и быстрой я могу быть. Ах да, потом ещё то, что у меня между ног. На остальное плевал.

– Ты сама этого хотела. А теперь, значит, ждешь, будто что-то поможет тебе вернуть былое? Или кто-то? Кто-то из дружины, к которой ты прибилась, как волк к собачьей своре? Или из твоих спутников? Твоя сестра? Или тот, черно-волосый? Нет, вряд ли. Или этот мальчишка? Я заметил, ты начала заботиться о нём, – Ставр поднял руку и провёл ладонью по её щеке, всматриваясь в глаза. Млада дёрнула головой, отстраняясь. – Нет, не мальчик. Может, верег?

– Заткнись, Ставр. Раньше, помнится, ты говорил очень мало. Не изменяй себе.

Он довольно улыбнулся: уголки губ чуть дрогнули, отчего шрам проступил глубже.

– Значит, всё-таки он. Верег.

Млада промолчала. Ставр качнул головой в изумлении. Затем достал из ножен на поясе узкий кинжал, чуть короче, чем скрамасакс. На его серебристом лезвии чернели руны, клинок завораживал чёткостью линий и красотой искрящегося на солнце осколка льда.

– Мне правда жаль, Млада. Я думал, всё сложится иначе.

– Врёшь, Ставр. Ты знал, что всё сложится именно так.

Покончим с этим, руки невозможно затекли.

Ставр наклонился к ней и снова долго, настойчиво поцеловал в губы. Бок пронзило острой болью, дыхание тугим комком застряло в груди. Сердце заколотилось, предательски быстро выталкивая из раны кровь. Млада зажмурилась, пытаясь восстановить спокойствие, унять колыхнувшуюся внутри панику. Хотя выжить всё равно не удастся. Жестокий удар – в живот. Мучительная смерть. Долгая.

– На кинжале яд, – спокойно произнёс Ставр, вставая. Он подошёл к стулу, взял с него плащ и накинул на плечи. – Скоро ты просто уснёшь, не будешь чувствовать боли.

– Мог бы просто перерезать горло, – выдавила Млада, стараясь говорить как можно тише, чтобы сохранить силы. – К чему нарушать Кодекс и использовать яд?

– Об этом ведь никто не узнает. А по-другому... Я не могу, – Ставр улыбнулся одним уголком рта.

– Чтоб твоя жалость у тебя в глотке застряла...

Млада закрыла глаза и перевела дух, прижавшись виском к связанным рукам. Бессмысленно – только продлить страдания. Но почему-то невыносимо хотелось пожить ещё немного. Хоть лишнее мгновение.

Ставр подошёл, схватил Младу за ворот рубахи и разорвал ткань до пояса, рванул вниз, до колен, штаны. Работает до конца. Хотя кого будет интересовать, как именно умерла

мало кому знакомая девица? Ссильничал и прирезал разбойник, или Палач Гильдии исполнил свой долг? Никого это не волнует. Просто привычка подстраивать всё случайностью.

Поганая привычка.

Млада безучастно проследила за тем, как Ставр последний раз осмотрел погреб, взял ножны с Призраком, затушил лучины и, открыв дверцу в потолке над лестницей, ушёл. На мгновение она увидела кусочек слабо освещённой комнаты наверху, а потом стало темно.

Глава 5

Тати пустились в бегство. А Хальвдан уж было решил, что им придётся совсем паршиво. Млада бросилась за одним из них и на время пропала из виду. Подраненый главарь, стараясь сохранить себе жизнь, развернул коня и умчался прочь – только комья подмёрзшего снега из-под копыт полетели. Второй, уж давно мёртвый, неподвижно лежал на шее своего жеребца, а тот беспокойно гарцевал неподалёку, не зная, что и делать. Лучники, отчаявшись в кого-нибудь попасть, кинулись кто куда и затерялись в темноте леса. Напугал их Зорен. Хоть за это спасибо.

Жрец был совсем плох. Он вяло ворочался в снегу, но встать не мог. Ведана пыталась поднять его, кусала губы, но не плакала. Рогл тоже куда-то пропал – только и остался от него воткнутый в сугроб факел.

Хальвдан проехал вдоль тропы, высматривая исчезающих спутников, но увидел только вельдчонка, который возвращался с совершенно потерянным видом.

– Он увез её... – пробормотал мальчишка, оглядывая всех поочередно.

– Кто – он? – Хальвдан нетерпеливо подался вперёд.

– Я не знаю... наверное, один из татей. Я пытался его преследовать, но не догнал. Он пропал, будто в воздухе растворился, – Рогл сокрушённо опустил голову.

С чего бы разбойнику похищать Младу? Из двух сестёр Ведана выглядела гораздо более простой добычей. А воительницу выгоднее убить. Да и как она вообще далась кому-то в руки? Скорей, отрубила бы, чем позволила себя схватить.

– Найдём по следам, – Ведана наконец помогла жрецу подняться на ноги. – Только я не пойму, зачем её увезли.

– А зачем всякие поганцы увозят девушек? – оскалился Хальвдан. – Будто не знаешь...

Ведана потупилась и глянула на Зорена, который уже мог стоять сам, лишь слегка опирался на её локоть.

– Тогда надо поторопиться, – Рогл спешился. – Только нож её заберу.

Будто это сейчас было так важно! Хальвдан подавил желание схватить мальчишку за шиворот и закинуть в седло. Чтобы не тратил время на ерунду – уж, верно, Млада простит потерю ножа, раз такое дело.

Мальчишка нырнул в ближайшие кусты, где лежал один из лучников. Послышалась возня, и протяжный стон пронёсся в ночной тишине леса.

– Тут живой! – крикнул Рогл.

Хальвдан спрыгнул наземь и поспешил к нему – надо бы расспросить стервеца, пока не подох. Стрелец и впрямь оказался жив. Правда, едва-едва. Он держался за пробитую ножом шею и хватал ртом воздух, почти бездумно глядя перед собой. Кровь угрожающе быстро окрашивала снег вокруг –

долго не протянет. Не особо осторожничая, Хальвдан схватил его за грудки и потряхнул:

– Куда увезли девушку?

Тать непонимающе посмотрел на него мутными от страдания глазами, силясь вникнуть в смысл слов. Может, и во все ничего не знает, тогда плохо дело. Он на мгновение провалился было в забытие – его голова запрокинулась – но после очередной встряски снова очухался. Пришлось повторить вопрос.

На этот раз разбойник просипел что-то, так тихо, что потребовалось наклониться к нему, чтобы расслышать.

– Изба заброшенная... В лесу на север отсюда. Мы показали ему в благодарность... За то, что на вас навёл... Он же сказал, что... богатые путники...

Тать говорил всё неразборчивей, и остальные его слова вовсе обратились хрипом. Мужик затих и повис в хватке Хальвдана мёртвый.

– На севере... – хмыкнул тот, опуская разбойника на снег. – Так можно и до Клипбьёрна добраться, коли только на север идти.

– Я найду её, – задумчиво изрёк Рогл. – Я её чувствую. Нашел же тогда, возле лагеря осенью. Подберёмся ближе – след будет лучше.

Хальвдан не стал расспрашивать, что значили его слова. Чувствует... Теперь он не удивлялся больше ничему – уж наслушался в эти дни столько всего, что раньше посчитал бы

распоследней небылицей. И если “чутьё” вельдчонка поможет найти Младу, он будет только рад. Слишком уж размытыми оказались указания стрельца о том, где искать ту избушку. Только бы успеть до беды.

Все погрузились на лошадей. Коня Млады привязали к седлу Веданы и отправились обратно по тропе, как раз на север. Но скоро пришлось заезжать в глубокий снег. Ночь становилась будто бы всё непрогляднее, хотя куда уж больше. Между деревьями уже в трёх саженьях перед собой ничего нельзя было разглядеть, кроме светлых очертаний сугробов и тёмных на их фоне – деревьев.

Рогл прислушивался и вертел головой. Иногда закрывал глаза, словно хотел увидеть что-то другим, внутренним, взором. Хальвдан начал терять надежду и злиться. Ведь пошёл за Младой, чтобы защитить, уберечь от опасностей, хоть она, казалось бы, в этом вовсе не нуждалась. И упустил, не углядел.

Ведана несколько раз порывалась было о чём-то спросить, но, наткнувшись на отрешённый взгляд вельдчонка, находила в себе силы промолчать. Казалось, он лучше остальных знал, что делать. И вёл всех за собой уверенно – не гляди, что следов похитителя так и не отыскалось. Будто тот и правда по воздуху улетел.

– Нашли, – тихо проговорил Зорен, когда остальные уже едва не валились из сёдел от усталости. Лишь Рогл был так же бодр и сосредоточен.

Даже лихорадочное желание поскорей найти Младу вскоре перестало будоражить Хальвдана, сонливость одолевала всё сильнее.

– Да, – подтвердил вельдчонок. – Мне кажется, она там.

Он указал перед собой, где сквозь плотный мрак виднелась приземистая избушка, сродни тем, какие строят охотники, чтобы было где остановиться далече от дома.

Знать, такие же ставят себе и разбойники, а может, занимают брошенные.

Усталость пропала, словно её и не было. Хальвдан ударил коня пятками и пустил быстрой рысью, не заботясь, что попадётся ему под копыта в снегу. У самой двери он спешился и поспешил внутрь. И лишь на мгновение в голове промелькнула мысль, что стоило, может, для начала проверить, кто там есть. Так можно и на другую татью ватагу налететь. Но мысль эта пропала так же быстро, как и появилась.

Внутри было темно – ни зги не видать. На счастье, следом подоспел Рогл с неизменным факелом в руке. Избушка и правда выглядела заброшенной. Всё покрывал толстый слой пыли, целых столов и стульев не нашлось ни одного. Кругом осколки глиняной посуды и обрывки каких-то тряпок, словно здесь уже много лет было пусто. И никого. Ни живых, ни мёртвых.

– Ты уверен, что она здесь? – продолжая беспрестанно оглядывать лачугу, обратился Хальвдан к вельдчонку.

– Да, – Рогл медленно обошёл избу и остановился в даль-

нем углу. — Тут дверь в полу.

— Посвети.

Хальвдан дёрнул вверх ржавую ручку и осторожно нащупал ногой лестницу. Не помня себя от волнения, он едва не скатился вниз. Земляная яма с головы до пят обдала промозглостью. Здесь сквозь мёрзлую сырость ещё пахло недавно потушенными лучинами. Вокруг царил такой же бардак, как и наверху.

Млада, почти совсем раздетая, лежала у кое-как укреплённой досками стены и не двигалась. Даже непонятно было, дышит ли. Хальвдан, на ходу снимая плащ, кинулся к ней, спотыкаясь обо что-то. Только мельком увидел разодранную надвое рубаху и штаны, а ещё тёмное пятно крови на боку. Он изо всех сил старался не думать, что опоздал. Так просто не могло случиться. Он не простит. В этот раз не простит себе.

Хальвдан спешно отвязал Младу, осторожно завернул в плащ и подхватил на руки. Ветхая лестница угрожающе закрипела, но выдержала их.

В избушку уже зашли и Зорен с Веданой. Жрец разводил огонь в очаге, а девица стояла рядом с Роглом, тревожно выглядывая из-за его плеча и теребила пальцами полу кожуха.

— Клади её у огня, — встрепенувшись, она забежала вперёд и расстелила на полу войлок.

Хальвдан бережно опустил Младу на него и с трудом заставил себя выпустить её из рук. Ведана не слишком веж-

ливо оттолкнула его и склонилась над сестрой, распахнув плащ.

– Она жива, ну? – подогнал её Рогл.

– Была бы мертва, ты её не нашёл бы, – бесстрастно отозвался Зорен, продолжая хлопотать над очагом. Найденные в избе обломки мебели, наконец, вспыхнули и зашлись неровным пламенем.

– Дышит, – подтвердила Ведана и оглянулась на Рогла с Хальвданом. – Не мешайте. Пойдите лучше снега наберите и согрейте воды.

Они послушно отошли, позволяя девушке освободить Младу от порванной одежды и осмотреть хорошенько. Рогл выскочил наружу с котелком, а Хальвдан бездумно снова спустился в погреб. Вещи Млады лежали на полу в углу, но не все. Меча среди них не нашлось, и поиски по всем закуткам не помогли. Значит, убийца оказался ещё и вором. Найти бы его и свернуть шею – только такой участи он и заслужил.

Когда Хальвдан вернулся наверх, то услышал лишь обрывок разговора.

– Я не смогу... У меня нет с собой никаких снадобий. Да ещё яд... – прошипела Ведана, хмуро глядя на Зорена.

– Так что, она умрёт? Тогда всё зря...

– Что значит, умрёт? – вмешался Хальвдан.

– То и значит, – огрызнулась Ведана. – Её отравили. И даже если бы у меня было противоядие, время всё равно ушло.

Хальвдан и хотел бы что-нибудь на это ответить, заставить Ведану хоть как-то помочь Младе, но знал, что бесполезно. Самый опытный лекарь не справится с отравой без нужных снадобий. Что уж говорить о девице сомнительных умений.

Он опустился на колени рядом с Младой и внимательно оглядел её лицо. На нём не было печати страдания – только спокойствие, будто она спала. Или смирилась со своей участью. Никогда не приходилось видеть её такой умиротворённой. Сейчас, без привычного стального блеска в глазах и упрямо поджатых губ, она походила на обычную девушку – так и не скажешь, что арияш. Хальвдан стиснул зубы, борясь с горечью, что разливалась внутри.

Он так много ей не сказал.

Все молчали. Ведана сидела, опустив голову и медленно гладила сестру по волосам. Рогл понуро стоял в стороне и разглядывал носки своих сапог. Он тихо шмыгнул носом и вздрогнул, огляделся исподлобья: никто не заметил?

Жрец, нахмутив брови, смотрел перед собой будто бы в пустоту. Ему скорбеть не о ком.

– Посох, – вдруг отчётливо произнёс он. – Пусть она прикоснётся к посоху.

– И что будет? – недоверчиво прищурился Хальвдан.

– В лучшем случае, она излечится, как князь после ранения. А в худшем... Хуже уже не будет.

И то верно. Хальвдан спешно развернул холстину, которой был обмотан посох, взял ладонь Млады в свою, и обхва-

тил ею кручёную рукоять.

Показалось сначала, что ничего не произошло. Но в следующий миг Млада вздрогнула и сама судорожно вцепилась в древко. Её спина выгнулась в немыслимой муке, запрокинулась голова. Всё тело начала колотить крупная дрожь.

– Я убью тебя, жрец, – процедил Хальвдан, силясь удерживать воительницу на месте.

– Подожди убивать, – безразлично бросил тот.

Млада металась, сбивая войлок в ком. Ведана только и успевала снова накидывать на неё то и дело сползающий плащ. Кожу воительницы мгновенно покрыла испарина. Кажалось, Млада пытается закричать, но голос отказывал ей. Почудилось, её агония длилась невозможно долго. Хальвдан аж взмок, борясь с воительницей, и сам мучился, глядя на её страдания. Какое от этого может быть благо? Лучше бы дать ей умереть в покое.

– Зажила! – вдруг крикнула Ведана. – Рана зажила.

Она отогнула край плаща, чтобы все убедились.

– Скорее, отними посох у неё! – скомандовал Зорен.

С превеликим трудом Хальвдану удалось разжать пальцы Млады и выцарапать из них рукоять. Девушка тут же обмякла и без сил распласталась на полу. Дыхание её, до того почти незаметное, стало глубоким и ровным.

Все разом облегчённо выдохнули. Хальвдан ещё долго сидел у очага, рядом с Младой, опасаясь, что ей стало лучше лишь на время. Остальные успокоились и вскоре принялись

устраиваться на ночлег: до утра оставалось немного времени.

Хальвдан проснулся, когда Млада пошевелилась, но сделал вид, что по-прежнему спит. Осторожно она высвободила ладонь из его пальцев и села, медленно вздохнула – снова стало тихо. Хальвдан открыл глаза. Перед ним была обнажённая спина воительницы, вся в тонких длинных шрамах – знать, лекарь ей попался умелый, раз зажили так хорошо и аккуратно. И в очередной раз Хальвдан понял, что ничего о Младе не знает. От этого становилось муторно на душе.

Девушка замерла в раздумьях, кутаясь в кожу, а Хальвдан просто смотрел на неё и боролся с желанием коснуться.

Вокруг было тихо, холодок медленно подбирался к ступням, хоть лицо ещё грел разожжённый неподалёку, но уже почти потухший огонь. Млада склонила голову и ощупала то место, где должна быть рана – там после соприкосновения с посохом остался только белый, чуть выпуклый шрам. Хорошо, что Зорен не ошибся.

Млада поводила по рубцу пальцами, будто не веря, и огляделась. С другой стороны едва шаящего очага всё ещё спали Ведана, Зорен и Рогл – они-то после схватки с разбойниками, верно, не проснутся, хоть на головах у них пляши.

Воительница попыталась встать, но Хальвдан взял её за руку и потянул вниз, мягко заставляя снова лечь.

– Ты бы не скакала так скоро, – шепнул он. – Ещё недавно чуть Нави душу не отдала.

Млада обернулась. Хальвдан глянул со всей строгостью,

приподнявшись на локте, а затем встал и снова разжёг очаг. Девушка в это время осмотрелась, сквозь пожирающий углы тесной лачуги мрак пытаясь, видно, найти свои вещи. Хальвдан проследил за её взглядом, вздохнул, а потом, пошарив в общей куче, поставил перед носом дорожный мешок.

Млада снова нарочито медленно и осторожно села. Хальвдан устроился рядом, но повернулся полубоком, загораживая её от остальных.

– Как зажило моё ранение? – тихо спросила воительница, доставая из мешка чистую рубаху.

– Посох. Зорен решил, что раз ты Воин Забвения и нужна Корибуту, то он захочет сохранить тебе жизнь. Так и вышло.

– Я не думала, что вы найдёте меня.

– Рогл нашёл.

Млада тихо усмехнулась. Вслед за рубахой она передела штаны. Хальвдан дождался, пока воительница перестанет шебуршать, и обернулся.

– Тот, кто притащил тебя сюда... Ты его знаешь?

– Да. Не так давно я убила одного арияш. Того, который покушался на Драгомира. Это расплата по Кодексу Гильдии.

Хальвдан нахмурился и снова отвернулся. Получается, не только Геста хотела смерти Млады. Всё это время убийца следил за ними, шёл по пятам. Наверное, в этом была и его вина. В суматохе побега он совсем позабыл, какая опасность грозит ей. Иначе был бы внимательнее. Не допустил бы всего, что случилось.

– Что он ещё с тобой... сделал?

– Ничего.

– А одежда?

Млада вспыхнула и поджала губы. Стало быть, догадалась, в каком виде Хальвдан нашел её. Может, лучше было бы не напоминать, но он не мог смолчать. Этот вопрос не давал ему покоя. И казалось, признайся сейчас воительница, что тот арияш ссильничал её, он тут же бросится за ним в погню. Потратит сколько угодно времени, но найдёт и оскопит собственными руками. Но Млада только поморщилась брезгливо и смяла пальцами рубаху на груди.

– Он подстроил.

Хальвдан облегчённо сгорбил плечи, его опущенная на колено рука невольно дрогнула.

– Что ж вы за люди такие? – произнёс он тихо. – Изворачиваетесь, прячетесь, подстраиваете... Кому это надо?

Млада не ответила. Да и что тут скажешь? Вот они, рядом ходят, а жизнь их такая разная, и они разные. Она привыкла к порядкам, которые другим покажутся дикими и бесчеловечными. Хальвдан снова развернулся к воительнице; огонь очага бросал отсветы на половину её лица, другую пряча в тень.

– Ты должна была сказать мне, что тебя преследует ещё один убийца. Почему ты не сказала?

– Нет никакого второго. Могу поспорить, Геста оплатила моё убийство ему же. И это тебя не касается.

– Не касается?! – вспыхнул Хальвдан, но тут же приглушил голос, коротко глянув на остальных. – Мало того, что похитил тебя, этот хмырь ещё и натравил на нас разбойников! Будь их там чуть больше, мы могли и не выжить. А ты говоришь, что меня это не касается! Может, тебе плевать на себя, Ведану и Рогла так же, как и на меня? Зорен, ладно, не в счёт. Но о сестре и вельдчонке ты могла подумать? Мы сейчас в одной упряжке, Млада. Как бы тебя это ни злило.

– Прости. Я просто привыкла быть одна, – в зелёных глазах воительницы не мелькнуло и тени раскаяния. Просто пустые слова, чтобы донимать перестал упрёками.

– Мэд хвем йег фиккэ³, бесы меня дери... – вздохнул Хальвдан и стиснул зубы так, что шевельнулись желваки на щеках.

Он взял с пола кожух, надел и, продолжая тихо бормотать себе под нос по-верегски, вышел на улицу.

Там он пробыл в нерадостных раздумьях, пока небосвод не окрасился холодной лазурью поступающего рассвета.

Скоро проснулись остальные и принялись спешно собираться в путь. Каждый справился о здоровье Млады, а та лишь скупно отвечала, что всё в порядке, пресекая лишние разговоры.

– Поедем через Южный Погост, – твёрдо сказала она, проверяя подпругу седла. – Тут несколько дней пути.

– Это же на Южном тракте. Мы решили туда пока не со-

---

³ Мэд хвем йег фиккэ (верегс.) – с кем я связался...

ваться, – возразил Хальвдан.

– Поедем. Мне нужно найти свой меч.

Что скрывалось за её словами, и чем ей мог помочь Южный погост в поисках меча, никто, кажется, не понял. И спорить не решился. В конце концов, может, удастся избежать встречи с княжеским отрядом. Возможно, ту деревню они уже покинули.

Все два с небольшим дня пути до Южного погоста Хальвдан наблюдал за Младой. Она была совсем уж молчалива – и слова не вытянуть. А коли вытянуть, так обязательно налетишь на грубость. Воительница как будто постоянно находилась под тяжестью невесёлой думы. И Хальвдан догадывался, что рассказала она ему отнюдь не обо всём, что случилось в том погребё. Но ещё пуще раздражать девушку расспросами он не собирался. Пока что ему было достаточно того, что она жива.

Остальные тоже опасались о чём-либо её спрашивать. Ведана тенью следовала за сестрой, то и дело подозрительно на неё поглядывая. А Зорен и Рогл держались позади. Жрец что-то рассказывал сыну, а тот с видимым неудовольствием слушал и время от времени кивал. Видно, усвоить пытался отцовскую науку. Как бы ни омерзительна она была, а, возможно, поможет и жизнь сберечь. Не себе, так другим.

А Южный Погост и в зиму кишел людьми, словно тёплое болото – лягушками. Беспреданно сновали туда-сюда сани, гружёные товарами, которые везли в разные веси княжества.

Купцам недосуг отлёживаться в спячке до весны, точно медведям. Нужно крутиться, тогда и мошна будет полна всегда. Можно будет купить хризолитовые бусы жене, нарядные колты дочерям или справный меч сыну.

Шумел местный торг так, что было слышать издалека. Под копыта коней то и дело норовили попасть неугомонные дети.

Млада, ни слова не говоря, провела всех к постоялому двору почти в самой серёдке деревни. И назывался он так чудно – “Барсучий хвост”. Девушка спешила на коновязи и бросила, короткое:

– Ждите здесь.

Она направилась было в харчевню, что, как водится, располагалась внизу двора, но Хальвдан остановил её.

– Думаешь, я тебя одну пушу?

– Не ходи со мной, воевода, – девушка отмахнулась от него, как от зудящего над ухом комара.

Да не тут-то было. Хальвдан отставать не собирался. Достанет с него загадок и недомолвок, каждая из которых грозила какой-либо опасностью. В этом они все убедились не единожды. Так и до Аривана можно не добраться.

– Считаешь, мне нужно твоё разрешение? – он упрямо пошёл за Младой.

Та остановилась, намереваясь возразить снова, но только качнула головой. Поняла, что бесполезно противиться.

В харчевне по полуденному часу было изрядно народу. Жарко горели очаги в полу, веяло духотой из поварни. А ещё

пряным запахом жареного в травах мяса и чуть кислым – свежего кваса, настоянного на ржанных горбушках. В животе тут же немилосердно заурчало. В конце концов, завтрак прошёл уже слишком давно, и при всей снисходительности нельзя было назвать его обильным. Что ж, может, не так и плохо, что они заехали на Южный Погост. Можно будет и припасы пополнить почти до самого Холодного Гребня.

Млада коротко огляделась и направилась к высокой, сколоченной из свежих досок стойке. Там хлопотал молодой светловолосый парень, всего на пару лет старше самой воительницы. За его работой пристально следил другой мужик – знать, хозяин, который того обучал и в скором времени готовил себе замену. В солидном возрасте на ногах уже не долго поскачешь, хочется покоя, а молодёжь пусть работает в поте лица. Млада слегка улыбнулась невесть чему и направилась туда. Хальвдан не отставал.

Они остановились перед стойкой. Млада внимательно окинула взглядом зал, будто убеждаясь, что не случится среди постояльцев ненужных знакомых, дождалась, пока хозяин отлучится в поварню и обратилась к парню.

– Здрав будь, Вадим.

Тот едва на месте не подпрыгнул. Медленно он перевёл взгляд на Младу, словно уже понял, кто она, но поверить никак не мог. Несколько мгновений они смотрели друг на друга. Удивление на лице парня сменилось недоумением, а затем и радостью. Он расплылся в улыбке и показалось, едва

не перепрыгнул через стойку, чтобы обнять воительницу, но лишь дотронулся до её локтя.

– Млада! Вот это да! Я думал, что уж никогда больше тебя не увижу. Когда ты пропала, мы места себе не находили. Искали много дней. Пойду отца позову... Он будет рад.

– Не надо, – девушка остановила его, схватив за рукав. – Лучше скажи, отец хорошо тебя учит своему делу?

Вадим непонимающе свёл брови, но на всякий случай кивнул.

– Да. Он хочет через несколько лун оставить постоянный двор мне. Видишь, всё получается, как я хотел. Зря ты ушла.

– И впрямь, – Млада скупно усмехнулась. – Стало быть, и с Гильдией он тебя уже познакомил? Или сам собирается с ними дела вести?

Парень побледнел и быстро оглянулся в сторону поварни.

– Пойдём. Нечего тут стоять, – он кивнул на проход сбоку и пошёл туда.

Млада с Хальвданом спешно последовали за ним.

Боковая каморка была чем-то вроде кладовой. Здесь хранилась мука и какое-то зерно в мешках. Слегка пахло затхлостью и мышами.

Вадим остановился в дальнем углу, куда почти не попадал свет из харчевни, и повернулся к Младе. В этот раз он даже подозрительно и вовсе не добро глянул на Хальвдана, хоть до этого и внимания на него не обращал. Даром что того нельзя назвать незаметным.

– Что вам нужно? С чего бы тебе расспрашивать меня о Гильдии? Хотите, чтобы всю мою семью порезали ночью или дом подожгли? У меня, Млада, жена и сыновей двое. Мне проблемы не нужны. А ты ещё воеводу сюда притащила, буд-то его не хватало. Что теперь – стража нагрянет?

– Придержи язык, – посоветовал Хальвдан.

Парень только зубы сжал.

– Я рада за тебя, Вадим, – холодно проговорила Млада. Знать, ей на самом деле было всё равно. – Не кипятись. Не будет стражи – мы сами с ней не хотели бы встретиться. У меня к тебе только один вопрос. Не проезжал через ваш двор недавно один Грюмнёрэ? Ставром его зовут. Может, он до сих пор здесь?

– Ты же знаешь, Грюмнёрэ, если у них заказов нет, надолго на одном месте не задерживаются, – буркнул Вадим. – Но нет, он не проезжал. Давно его не видел. С прошлого лета ещё.

Млада разочарованно вздохнула, сжав пальцы на рукояти скрамасакса. Это последнее оружие, что у неё осталось. Хальвдан предлагал в каком-нибудь крупном городе купить ей новый у хорошего кузнеца, но она упёрлась – ни в какую. И твёрдо вознамерилась вернуть свой клинок. Что ж, за такой и правда побороться стоило. Да только где его теперь сыщешь?

– Ты уверен... – воительница проникновенно глянула на Вадима.

Тот твёрдо кивнул.

– Я не знаю, зачем он тебе. Но врать не стал бы. Это ваши дела. Да и убивать друг друга вам, кажись, запрещено.

– Запрещено, – воительница ухмыльнулась так, что парень тут же помрачнел ещё больше. – Ну, раз нет его здесь, то мы со спутниками в “Хвосте” остановимся.

И снова посмотрела въедливо, ища, видно, на его лице проблеск слабости или паники. Однако Вадим заметно ослабился и заулыбался почти так же приветливо, как при встрече.

– Это всегда пожалуйста, – он снова вывел их в харчевню.

– Нам нужно три горницы, – Млада, казалось, уже позабыла обо всём, что спрашивала только что.

Её лицо разгладилось и засияло, словно она и правда была рада видеть старого знакомого. Но Хальвдан уже успел узнать её настолько, чтобы не поверить показной благодушности.

Но всё же странно было думать, что в весях княжества, оказывается, есть люди, которых воительница хорошо и давно знает. И с которыми её связывало что-то. Не иначе, замуж за этого Вадима она собиралась. Потому-то он так скоро простил девушке настойчивые расспросы. И то, что она принадлежит Гильдии, не слишком его волновало. Стало быть, привык. Да что уж говорить о нём, если самому Хальвдану быстро стало безразлично, арияш она или нет. Дело между Младой с Вадимом давнее, а ревность всё одно кольнула в

грудь.

Видно, из-за особой благосклонности к воительнице Вадим продал комнаты дешевле, чем они стоили для других путников. Хотя им впору было ещё и приплачивать за скрытность.

– Не погладит тебя отец за это по голове, – расплачиваясь, усмехнулся Хальвдан. – Какая же это торговля.

– Отец поймёт. Уважаемого гостя принимаем, – парень хитро прищурился.

Экий лис. И воеводу уважил добрым словом, и в то же время, понятно всем, что не его благодарить нужно. А воительницу, которая растеряла последнюю суровость и знай улыбалась Вадиму, точно невеста намеренно просватанная. И улыбка эта Хальвдану вовсе не нравилась.

Остальные заметно обрадовались тому, что ночевать нынче придётся не в лесу на снегу и не в пыльной лачуге, а в тёплых постелях. Повеселела Ведана, Рогл приободрился, и даже почему-то возгордился тем, что жить ему предстоит бок о бок с самим воеводой. Пусть и всего один день. Даже Зорен просветлел. Ему-то отдых был нужен едва не больше всех. Много сил он потратил на, возможно, последнее в своей жизни колдовство. Вдругорядь Корибут такого уж точно непустит.

По деревне решено было без дела не шататься, мало ли. Вдруг люди Драгомира всё ещё где-то поблизости или вот-вот нагрянут. Тем более, порасспросив местных, Хальвдан

выяснил, что отряд здесь ещё не появлялся. Уж где задержались им на счастье, непонятно.

Все отсиживались в своих горницах, даже еду Вадим распорядился приносить им наверх. Но под вечер Рогл начал вздыхать от тоски, к тому же, разговорить Хальвдана ему не удалось. Вельдчонок смутился, а тот языком молот и не был настроен. Не отпускали его неприятные тревоги. О том, что будет дальше и о том, что уже случилось. Опасался он, что соприкосновение с посохом не прошло для Млады даром. И каждый миг ждал очередной неприятности.

От стука в дверь окончательно впавшие в безразличие и полудремоту Хальвдан с Роглом едва не подпрыгнули. В горницу заглянула Млада.

– Вадим нас зовет спуститься в харчевню, – бодро выпалила она, словно расшалившаяся девчонка. – Говорит, пирогов его стряпухи страсть каких вкусных напекли. Хватит тут сидеть. День почти прошёл: стало быть, до утра уж вряд ли кто появится.

– Я не пойду, – вяло отозвался Хальвдан. – Проживу и без пирогов. И вам советую на людях лишний раз не мелькать.

Но Рогл уже с готовностью вскочил на ноги и поспешил за Младой. Уговаривать Хальвдана никто не стал. Как, впрочем, и слушать.

В харчевне становилось всё более шумно. Прибыло народу, да и пироги, знать, постояльцы запивали не сбитнем. Хальвдан и хотел бы уснуть, но не мог себя заставить. Мыс-

лями он то и дело обращался к тому, что происходит внизу. Но скоро постоянный гомон всё же начал вгонять его в сон. И, казалось бы, только Хальвдан наконец задремал, как дверь скрипнула. Прошуршали осторожные шаги, но вдруг загромычала лавка. Рогл выругался шёпотом и понуро поплёлся к своей постели. Хальвдан из-под полуприкрытых век проследил за ним и спросил, потирая глаза:

– Млада тоже легла?

Вельдчонок фыркнул и глянул на дверь, из-за которой всё так же доносился шум харчевни. Выкрики мужиков навеселе, бряканье кружек и мисок, громкие шаги.

– Какой там, – буркнул он. – Я пытался её увести, но она едва не пригвоздила меня ножом за шиворот к стене. Я её такой никогда не видел. Думал, она вообще не пьёт.

Хальвдан резко сел. Внутри прокатилась волна раздражения. Он прислушался, пытаясь среди мужских голосов слышать один женский, но не смог. Да и не удивительно: Млада, последнее время не отличалась многословностью. Зато порой одного её взгляда хватало для того, чтобы и самому забыть о том, что хотел сказать.

– Нам же завтра снова в путь. Она рехнулась?

– Может, и рехнулась, – пожал плечами Рогл и посмотрел на Хальвдана, сверкнув глазами в полумраке. – Я побаиваюсь её, если честно. Странная какая-то стала после того случая.

Мальчишка порывисто взлохматил волосы и откинулся на

покрывало, уставившись в потолок. Хальвдан встал и пошёл к двери. Это не дело. Если Млада сейчас напьётся, то может натворить таких дел, что не расхлебашь. Кто знает, какова она по пьяни? Никто пьяной, да и вообще с кружкой вина в руке, её ни разу не видел. Он думал, девчонка ограничится тем, что выпьет для расслабления немного хмельного кваса, но ошибся. Знал бы – забрал её из харчевни раньше. А то и вовсе не пустил бы.

Он спустился по скрипучей лестнице в зал, окинул взглядом посетителей. Некоторые, заметив его, менялись в лице и замолкали. Другие глазели с интересом и безошибочно поворачивали головы к причине, по которой воевода здесь появился. Знают, всё-таки. Не иначе, сам хозяин похвалился всем вокруг, что сегодня у него ночует сам княжеский ближний. По взглядам-то он и понял, где Млада. Она сидела, сокрытая спинами, в одной из гогочущих и разящих кислым пивом компаний. Чуть склонив голову набок, она слушала, как Вадим, позабыв о своих делах, проникновенно, но достаточно громко для того, чтобы слышали остальные, рассказывает какую-то байку. Перейдя, видно, к самому напряжённому моменту истории, он решительно опустил ладонь на колено Млады и медленно, но с видимым нажимом провёл выше. И она не остановила. Не остановила его! Только улыбнулась, допила то, что было у неё в обкусанной глиняной кружке, и махнула подавальщице, подзывая.

Какого беса тут творится? Хальвдан сжал зубы и двинул-

ся к шумной гурьбе, когда обходя слоняющихся кругом посетителей, а когда просто отталкивая. Он видел, как Вадим наклонился к Младе, как уверенно скользнула его ладонь по её талии и как девушка, отпив ещё принесённой ей браги, под возгласы остальных одобрительно положила руку ему на плечо.

Точно рехнулась! Да она, будь в себе, уже порезала бы эту паскуду на куски! Хальвдан протиснулся между столпившимися мужиками и, ухватив Младу под локоть, рванул с места.

Она развернулась и, высвободив руку, со всей силы толкнула его в грудь. Молча и зло. Хальвдан сделал шаг назад, а селяне кругом загоготали.

– Не мешай ей! Вишь, не хочет она с тобой идти, – поднялся на ноги Вадим, который только что нагло её лапал. И ты погляди, про жену и двоих сыновей, небось, и не вспомнил.

– Не лезь, смерд, – отмахнулся Хальвдан.

– Кто, я смерд? – взвился тот и шагнул ближе, хватаясь за висящий на поясе добротный охотничий нож. Знать, не только плосками умеет за стойкой греметь да монеты пересчитывать.

Его товарищи недовольно загудели. Хальвдан знал, что, обозвав вольного человека смердом, несказанно его оскорбит, но неизвестно почему назвал его именно так. Даже подозревал, что за этим последует, и с каким-то мрачным нетер-

пением хотел драки. Но Млада остановила разъярённого дружка, перегородив ему дорогу.

– Не по зубам он тебе, Вадим. Оставь. Он со зла это ляпнул, разве не понимаешь?

Тот внимательно оглядел её лицо и тут же смягчился, убрал нож и снова попытался приобнять.

– Как скажешь, – пророкотал он тихо. – Не хочу силы тратить раньше времени.

Но Млада выскользнула из его объятий и повернулась к Хальвдану. Её глаза сверкали хмельной удалью и игривостью, как у кошки.

– Лучше бы по-доброму присоединился, воевода. Чего народ тревожишь попусту?

Хальвдан сощурился и одним движением, обхватив чуть выше колен, закинул её на плечо. Вадим снова возмущённо поднялся, но замер, натолкнувшись на его взгляд.

– Только двинься – башку оторву, – пообещал Хальвдан и, встряхнув извивающуюся на плече Младу, пошёл к лестнице.

Девушка вырывалась, молотила его то кулаками по спине, то локтем – по уху и ругалась такими словами, которых ещё не доводилось от неё слышать. Ножны её скрамасакса больно упёрлись в шею. Удерживать гибкую, сильную воительницу было невероятно трудно, но сказывалось то, что она пьяна, а её движения не такие быстрые и точные.

Наконец Хальвдан поднял её наверх, толкнул дверь горни-

цы, в которой она поселилась в одиночестве. И только внутри поставил на пол.

– Совсем ополоумел?! – заплетающимся языком не без труда выговорила она и снова саданула его в грудь. Хальвдан послушно сделал шаг назад. – Ты что себе позволяешь?

– А что он себе позволял, ты понимала?

Млада сжала губы и немного помолчала.

– Я понимала, – произнесла она, наконец, отчётливо и мрачно. – И я хотела этого...

Хальвдан сглотнул вставшую в горле горечь.

– Ложись спать. Завтра на рассвете выезжаем, если ты забыла.

Он повернулся к двери, но одновременно Млада шагнула к нему. Обхватила за локоть, удерживая, и ткнулась лицом в грудь. Её дыхание обожгло кожу через рубаху. Она молчала, и в её жесте было такое бесконечное отчаяние, что Хальвдан не мог двинуться с места, не решался даже пошевелиться, чтобы не сделать ещё хуже.

– Мне... так паршиво, воевода, – пробормотала Млада и вжалась в грудь сильнее, провела ладонью вверх по плечу, тронула кончиками пальцев шею.

Хальвдан знал, к чему она ведёт, чувствовал, как тесно льнёт к нему, как, чуть приподняв голову, касается губами ключицы. И как мгновенно отзывается его собственное тело, жар ударяет в голову и медленно растекается вниз. И ноют руки от желания обнять, прижать к себе так, чтобы перехва-

тивало дыхание. И хочется распустить тяжёлую косу, запутаться пальцами в мягких волосах, вдохнуть их запах. Целовать её всю ночь. Целовать и ласкать... всю.

Но он также знал, что наутро Млада об этом пожалеет. Когда хмель спадёт и вспомнится, что привело её к нему в постель. Будет ссора. Хальвдан понимал это и потому отступил, слишком резко дёрнул, открывая, дверь и вышел.

Глава 6

Путь до Аривана казался бесконечным. После Южного Погоста пришлось снова сойти с большака на боковые и далеко не столь хоженные дороги. И потому Холодный Гребень, за которым начинались ариванские владения будто бы ничуть не приближался. Изредка доводилось переночевать на постоянных дворах. Да они к югу стали встречаться все реже. В предгорьях мало плодородных земель – всё больше каменистые, поросшие низкой травой пустоши, где только овец и пасти. Нейра уходила к востоку, чтобы донести воды к морю. Деревни становились маленькими – на десяток-другой дворов – и жили там по городским меркам полудикие горцы. Какие уж тут харчевни да горницы с застеленными лавками.

И что больше всего Младу огорчало, так то, что до самого Аривана не у кого больше спросить про Ставра: появлялся ли, куда ушел... Она готова была махнуть рукой на всё, что он сделал, на жестокость, с которой с ней обошёлся – пожалуй, она заслужила. Да и он Грюмнёрэ – чего с него взять. Но вот Призрак Млада ему спускать не собиралась.

Не стало его привычной тяжести на поясе, и оттого она чувствовала себя почти безрукой. Спутники смотрели на неё с удивлением и неодобрением: чего так убиваться, меч и меч. Пусть даже и хадымской работы. Лишь Хальвдан, может, понимал её лучше других. Но находиться с ним рядом после

того, что она учудила в “Барсучьем хвосте” стало вовсе невозможу. Постоянно казалось, что он глядит с насмешкой и вот-вот припомнит ей всё в самых красочных выражениях во всеуслышание. Но дни шли за днями, а верег молчал. И почему-то это тоже злило.

И чтобы не выплёскивать раздражение на всех вокруг, Млада держалась наособицу. Чаще всего ехала позади, накинув капюшон, и лишь наблюдала за остальными. Редко когда обменивалась парой слов с Веданой или Роглом. Хальвдана сторонилась, а с Зореном ей и вовсе говорить не о чем.

Жрец от того не больно-то страдал. Ему, наконец, удалось снова сблизиться с сыном настолько, насколько тот позволил. Поначалу Зорен на привалах учил его держать силу в узде, чтобы в случае чего не выпустить тварей из Забвения. Они уходили из становища когда надолго, когда нет, а возвращались всегда уставшие, будто десяток вёрст по лесу отмотали. Млада пару раз тайком следила за ними, не обращая внимания на ворчание сестры. Думается, Рогл в эти моменты чувствовал её, но вида не подавал. Ничего особенного они не делали. То сидели на земле с закрытыми глазами и дышали нарочито ровно и глубоко, то просто разговаривали. Зорен торопился, боясь, что не успеет обучить сына всему. Время бежало для него слишком быстро: каждый день его покидала молодость, и все прожитые взаймы лета отчётливее поступали на остроносом лице. И когда небольшой отряд добрался-таки до Холодного Гребня, от молодого жреца

уже не осталось и напоминания. Неглубокие пока морщины изрезали его кожу, в волосах появились нити седины...

Ведана плакала ночами, а Млада не могла заставить себя подойти и утешить её. Зорена она так и не простила.

Одну ночь им довелось провести на перевале. И если в предгорьях уже вовсю властвовала весна, то здесь было, видно, последнее убежище зимы. Днём солнце хоть как-то согревало, пусть и приходилось укрываться от вездесущего ветра. А после заката всё кругом сковывал лютый мороз. Неподвижные вершины Гребня окружали серыми призраками. Голова кружилась от горного воздуха. Млада, по самые уши закутавшись в плащ, сидела у чахлого костра, который угрожающе трепетал под порывами ветра, и бездумно озиралась, переводя взгляд с одного гранитного зубца на другой.

– Что, так и будешь до самого Аривана бобылицей ехать?

Ведана села рядом на торчащий из земли камень. Млада невольно отодвинулась.

– Вам-то какая печаль?

Сестра тихо усмехнулась.

– Так и ехала бы одна, раз никто из нас тебе не нужен.

Чего ж с собой забрала?

– Если б можно было, так и поехала бы, – огрызнулась Млада. – Жила сколько лет одна, и ничего. Всё было проще. Сама за себя в ответе.

– А разве проще – лучше? – Ведана улыбнулась.

– Нет. Просто... проще.

– Рогл за тебя переживает, но боится показать. Хальвдан тоже...

Млада фыркнула, а щёки снова запекло от воспоминания о её не такой уж давней выходке.

– Ты просто не хочешь видеть, что некоторым людям стала важна, – помолчав, продолжила Ведана. – Правда, не знаю, за какие заслуги. Терновник и то тебя ласковей.

– Был тут у меня один близкий человек, – ядовито проговорила Млада. – Так и тот нож всадил в бок. И сестра была...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.